

ОТ АВТОРА
МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «КОМНАТА»!

ЧУДО

Завораживающий роман о битве добра со злом. *PopSugar*

ЭММА
ДОНОХЬЮ

Annotation

В этом великолепном романе сплелись воедино нездоровая жажда сенсаций и истинная вера в ЧУДО! Ирландия середины XIX века. Внимание общественности привлечено к одиннадцатилетней девочке, которая вот уже четыре месяца обходится без еды, но чувствует себя живой и здоровой. В глухую ирландскую деревушку со всего света стекаются желающие поглазеть на чудо. Что на самом деле служит ей пищей для тела и души? Что это – чудо или кто-то манипулирует ребенком, чтобы погубить его? Впервые на русском языке от автора знаменитого романа «Комната»!

Эмма Донохью

Чудо

Emma Donoghue
THE WONDER

© И. Иванченко, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

*Нашей дочери Юне – старинное ирландское благословение:
«Пусть мороз не побьет твой картофель и червяки не пожрут
капусту»*

Глава 1. Сиделка

Сиделка

выкармливает младенца

воспитывает ребенка

ухаживает за больным

Путешествие оказалось не таким уж страшным. Поезд до Ливерпуля, ночной рейс на пакетботе до Дублина, неспешный воскресный поезд, идущий на запад, в городок Атлон в центральной части Ирландии.

Ее ожидал извозчик.

– Миссис Райт?

Либ знала многих ирландцев, в частности солдат. Но это было несколько лет назад, и сейчас она с трудом разобрала акцент извозчика.

Он отнес ее чемодан к двухколесной коляске с четырьмя сиденьями, как он ее назвал. Никаких четырех мест в этой пустой повозке не было. Либ устроилась на единственном сиденье, беспокоясь о том, что ее ботинки оказались по соседству с правым колесом. От морозящего дождя она защитилась зонтом со стальными спицами. По крайней мере, это было лучше душного поезда.

На другом конце скамьи, едва не касаясь ее сутулой спиной, поместился возница.

– А ну пошла! – щелкнул он кнутом.

Лохматый пони шевельнулся.

Немногочисленные люди, попадавшие им по дороге от Атлона, казались рахитичными и бледными, что Либ приписала печально известной картофельной диете. Вероятно, в этом также причина отсутствия зубов у извозчика.

Он сделал какое-то замечание по поводу сердца.

– Прошу прощения?

– В самом сердце, мэ.м.

Либ ждала, вцепившись в тряскую скамью.

– Мы здесь в самой середине страны. – Извозчик указал на землю.

Участки красновато-коричневых болот – печально известный источник болезней. Плоские поля в обрамлении темной листвы деревьев. Время от времени попадались полуразрушенные дома, почти заросшие травой. Либ не находила в этих пейзажах ничего живописного. Ирландский Мидлендс представлял собой углубление в центре Ирландии, где скапливалась влага: кружок в центре блюдца.

Повозка свернула с вымощенной щебнем дороги на более узкую, посыпанную гравием. Стук дождевых капель о зонтик превратился в нескончаемую дробь. Лачуги без окон. Либ представила себе в каждой семье, прячущуюся от дождя и сбившуюся в кучу вместе с домашним скотом.

Время от времени дорога приводила к нагромождению крыш, вероятно представляющему собой деревню. Но всякий раз деревня была не та. Либ следовало бы спросить у возницы, сколько времени займет поездка. Но она не спрашивала, боясь услышать в ответ: «Еще долго».

Главная медсестра из госпиталя сказала ей только, что в частный дом на две недели

требуется опытная сиделка. Оплачивались дорожные расходы в Ирландию и обратно, а также суточное довольствие. Либ знала о семье О’Доннелл только то, что они достаточно обеспечены, если пригласили сиделку из Англии. Но сейчас ее поразило, что оговорен период. Как можно точно знать, что пациенту потребуются ее услуги в течение именно двух недель? Может быть, придется временно замещать другую сиделку?

В любом случае ей хорошо заплатят за беспокойство. Привлекала также новизна. В госпитале подготовку Либ хотя и ценили, но редко ею пользовались. Требовались лишь основные навыки: кормление, перемена белья, заправка постели.

Либ подавила в себе желание вытащить из-под плаща часы. Время быстрее не пойдет, а дождевая влага может попасть в механизм.

Еще одна ветхая лачуга без крыши, стоящая поодаль от дороги, ее стены обвиняюще устремлены в небо. Эта пока не заросла сорняками. Либ заметила в глубине дверного проема почерневшие останки – стало быть, пожар случился недавно. Непонятно, как вообще в этой пропитанной водой местности что-то может загореться. Никто не удосужился убрать обуглившиеся балки, не говоря уже о том, чтобы соорудить новую крышу и покрыть ее соломой. Неужели правда, что ирландцы глухи к комфорту?

На краю дороги стояла женщина в потрепанной шляпе с рюшем. Позади нее кучка детей у живой изгороди. Стук повозки заставил их подойти к дороге и протянуть вперед сложенные лодочкой ладони, словно для того, чтобы собрать дождевую влагу.

Либ в смущении отвела взгляд.

– Голодное время, – заметил возница.

Но ведь лето в разгаре. Почему именно сейчас не хватает еды?

Ботинки Либ забрызгала грязь от колеса. На дороге грязи было не меньше, чем гравия. Несколько раз повозка ныряла в глубокие лужи с коричневой жижей, и Либ приходилось цепляться за скамью, чтобы ее не выбросило из повозки.

Еще лачуги, некоторые с тремя или четырьмя окошками. Амбары, сараи. Двухэтажный фермерский дом, потом другой. К ним повернулись двое мужчин, нагружавших тележку, один что-то пробормотал другому. Либ оглядела себя: какой-то изъян в ее дорожном платье? А может быть, по своей лености они рады случаю оторваться от работы и поглазеть на новенькое.

Впереди сверкнули беленые стены здания с островерхой крышей, с крестом наверху – римско-католическая часовня. Возница натянул поводья, и только тогда Либ поняла, что они въехали в деревню, хотя по английским меркам это было всего лишь скопление жалких домишек.

Теперь она взглянула на часы – почти девять, и солнце еще не село. Пони опустил голову и принялся жевать пучок травы. Оказалось, что это улица – единственная.

– Вас поселят в бакалейно-алкогольной лавке^[1].

– Прошу прощения?

– У Райана.

Извозчик указал налево, на дом без вывески.

Здесь что-то не так. Утомившись после дороги, Либ оперлась на руку возницы и слезла с подножки. Отряхнув воду с зонта, она свернула его и застегнула на пуговицу. Потом вытерла руки о подкладку плаща и вошла в лавку с низкими балками.

В ноздри ей ударила вонь от горящего торфа. Помимо тлеющего под массивной печной трубой очага, комнату освещала лишь пара ламп. Какая-то девушка запихивала на высокую

полку жестяную банку.

– Добрый вечер, – сказала Либ. – Наверное, меня привезли не туда, куда нужно.

– А вы, стало быть, англичанка, – громко, как для глухой, произнесла девушка. – Не желаете ли пройти в заднюю комнату и поужинать?

Либ пришлось сдержаться. Если здесь нет подходящей гостиницы или семья О’Доннелл не в состоянии предоставить нанятой сиделке нормальное жилье, жаловаться бесполезно.

Пройдя через дверь у печной трубы, она оказалась в крошечной комнатке без окна. Там сидела монахиня, лица которой почти не было видно за складками накрахмаленного головного убора. Либ немного передернуло только потому, что она уже много лет не видела такого – в Англии монахини не носили подобных одеяний, чтобы не спровоцировать антикатолических настроений.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла Либ.

Монахиня ответила сдержанным кивком. Возможно, ей запрещали разговаривать с людьми другого вероисповедания или она дала обет молчания.

Либ села за другой стол, отвернувшись от монахини, и стала ждать. У нее урчало в животе – она надеялась, не слишком громко. Слышалось тихое пощелкивание, исходившее, вероятно, из-под черных складок одежды женщины, – та перебирала четки.

Когда наконец девушка внесла поднос, монахиня наклонила голову и что-то зашептала – молитву перед едой, догадалась Либ. Ей, наверное, от сорока до пятидесяти. Немного выпуклые глаза и мясистые руки крестьянки.

Странное сочетание блюд: овсяный хлеб, капуста, какая-то рыба.

– Я думала, будет картошка, – дружелюбно обратилась к девушке Либ.

– Еще с месяц придется ее подождать.

Ага, теперь понятно, почему это голодное время для Ирландии: картофель начнут убирать только осенью.

Еда отдавала торфом, однако Либ съела все дочиста. Со времен Шкодера, где порции медсестер были такими же скудными, как у мужчин, у нее вошло в привычку не выбрасывать ни кусочка.

Из лавки послышался шум. В столовую вгиснулось четверо.

– Да храни вас Господь! – произнес первый мужчина.

Не зная толком, как отвечать, Либ кивнула.

– И вас тоже, – пробормотала монахиня.

Она осенила себя крестным знаменем и вышла из комнаты – то ли потому, что насытилась скудной порцией, то ли решила освободить второй стол для вновь прибывших. Либ этого не знала.

Шумная компания эти фермеры с женами. Наверняка пили весь воскресный вечер.

Теперь она поняла фразу возницы. Не лавка с привидениями, а лавка, где продают спиртное.

Из болтовни фермеров о каком-то необыкновенном чуде, в которое невозможно поверить, хотя они видели его собственными глазами, Либ заключила, что те побывали на ярмарке.

– Там поджидает еще куча народа, – произнес бородатый мужчина. Жена ткнула мужа локтем в бок, но он продолжал: – Всячески угождают ей!

– Миссис Райт?

Либ повернула голову.

Незнакомец в дверях постукивал себя пальцами по жилету.

– Доктор Макбрэрти.

Так зовут врача О’Доннеллов, вспомнила Либ. Она встала и пожала ему руку. Всклопоченные седые бакенбарды, на голове очень мало волос. Потертый сюртук, плечи усыпаны перхотью, трость с набалдашником. Пожалуй, семьдесят?

Фермеры с женами рассматривали их с нескрываемым интересом.

– Издалека вам пришлось добираться, – заметил доктор, словно Либ прибыла с визитом, а не нанималась на работу. – Ужасным был переезд? Уже поужинали? – не дав ей возможности ответить, продолжал он.

Либ вышла вслед за доктором в лавку. Прислуга, держа перед собой лампу, проводила их наверх по узкой лестнице.

Спальня была тесной. Бóльшую часть места на полу занимал чемодан Либ. Она должна здесь беседовать тет-а-тет с доктором Макбрэрти? Неужели в доме нет другой свободной комнаты или неотесанная прислуга не смогла организовать все подобающим образом?

– Хорошо, Мэгги, – сказал он девушке. – Как у отца с кашлем?

– Немного лучше, – ответила та и вышла.

– Прошу вас, миссис Райт, – указал доктор на единственный плетеный стул.

Либ многое отдала бы за то, чтобы сначала минут на десять остаться одной и воспользоваться ночным горшком и столиком с умывальными принадлежностями. Да, ирландцы печально известны отсутствием деликатности.

Доктор оперся на трость:

– Не хочу показаться невежливым, но можно узнать, сколько вам лет?

Итак, расспросов не избежать, хотя ее уверяли, что эта работа у нее в кармане.

– Еще нет тридцати.

– Вдова, как я понимаю. Вы занялись медсестринским делом, когда э-э... оказались без средств?

Проверяет ли он отзыв о ней главной медсестры? Либ кивнула:

– Меньше чем через год после замужества.

Как-то ей довелось прочитать статью о тысячах солдат, страдающих от пулевых ранений или холеры и оставшихся без ухода. В «Таймс» было напечатано о собранных семи тысячах фунтов для отправки в Крым в качестве медсестер группы англичанок. Вот, подумала тогда Либ с замиранием сердца, но и с дерзостью, пожалуй, я смогу это сделать. Она потеряла так много, что ее ничего не страшило.

Сейчас она сказала лишь:

– Мне было двадцать пять.

– Так, значит, вы Соловей! – восхитился доктор.

Стало быть, главная медсестра сказала ему об этом. Либ всегда стеснялась упоминать в разговоре имя великой женщины и не выносила причудливое прозвище, прилипшее ко всем подопечным мисс Найтингейл^[2], словно они какие-то куклы, отлитые по ее образу и подобию.

– Да, мне выпала честь служить в Шкодере под ее началом.

– Благородный труд.

Сказать «нет» казалось странным, «да» – высокомерным. До Либ сейчас дошло, что семья не поленилась пригласить заморскую сиделку из-за имени Найтингейл. Она догадывалась, что старому ирландцу хочется больше услышать о красоте, аскетизме,

праведном гневе ее наставницы.

– Я была привилегированной медсестрой, – ответила вместо этого Либ.

– Волонтером?

Либ хотела уточнить, но старик понял ее неправильно, и ее лицо запылало. Право, зачем смущаться? Мисс Н. всегда напоминала своим медсестрам, что получение оплаты ничуть не умаляет их альтруизма.

– Я хотела сказать, что была одной из обученных медсестер, в отличие от медсестер из низших сословий. Мой отец был дворянином, – глуповато добавила Либ. – Правда, не зажиточным, но все же...

– Что ж, очень хорошо. Давно вы работаете в госпитале?

– В сентябре будет три года.

Это само по себе примечательно, поскольку большинство медсестер задерживались не более чем на несколько месяцев – безответственные поломойки. Не то чтобы Либ там особенно ценили. Она слышала однажды, как главная медсестра называет ветеранов Крымской кампании мисс Н. заносчивыми.

– После Шкодера я работала в нескольких семьях, – добавила Либ, – и ухаживала за родителями до их смертного часа.

– Вам приходилось ухаживать за ребенком, миссис Райт?

Она замялась, но лишь на миг.

– Полагаю, подходы одни и те же. Так мой пациент – ребенок?

– Анна О’Доннелл, – кивнув, произнес доктор Макбрэрти.

– На что она жалуется?

Доктор вздохнул.

Стало быть, что-то фатальное, решила Либ. Но болезнь затяжная, раз еще не убила девочку. Скорее всего, чахотка, обычная в этом сыром климате.

– Она не то чтобы больна. Ваша единственная обязанность – надзирать за ней.

Занятный глагол. Как та ужасная сиделка из «Джейн Эйр», нанятая для ухода за душевнобольной, которую держали в мансарде.

– Я приехала сюда, чтобы караулить ребенка?

– Нет, просто наблюдать.

Однако надзор лишь первый элемент пазла. Мисс Н. учила медсестер наблюдать, чтобы понять, какой уход требуется больному, и обеспечить его. Не медицинскую помощь – это забота врачей, – но есть то, что, по ее мнению, не менее важно для выздоровления: освещение, воздух, тепло, чистота, покой, удобство, питание и беседы.

– Насколько я понимаю...

– Боюсь, не понимаете, и в этом мой просчет.

Макбрэрти оперся кулаком о край умывального столика.

Либ хотела было предложить старику стул, но побоялась обидеть его.

– никоим образом не хочу создавать у вас предвзятое мнение, – продолжал доктор, – но могу сказать лишь, что это совершенно необычный случай. Анна О’Доннелл утверждает – или, скорее, утверждают ее родители, – что она не принимает пищу со своего одиннадцатого дня рождения.

– Тогда она, видимо, больна, – нахмурилась Либ.

– Но неизвестной болезнью. Неизвестной мне, во всяком случае, – поправляя себя, сказал Макбрэрти. – Она просто не ест.

– Вы имеете в виду твердую пищу?

Либ была наслышана о пристрастии некоторых утонченных современных мисс питаться отваром из маранты или крепким мясным бульоном.

– Вообще никакого питания, – поправил ее доктор. – Она не может принять ничего, кроме чистой воды.

Не может, значит не хочет, как говорят про детей. Если только...

– У бедного ребенка кишечная непроходимость?

– Не замечал ничего подобного.

Либ была в растерянности.

– Сильная тошнота?

Она знала беременных женщин, которые, испытывая тошноту, не могли принимать пищу.

Доктор покачал головой.

– Она меланхолик?

– Не сказал бы. Спокойная, набожная девочка.

Ах, так это, наверное, религиозное исступление, а вовсе не медицинский случай.

– Католики?

Махнув рукой, он, казалось, говорил: «А как иначе?»

Либ предположила, что вдали от Дублина они все здесь католики. Доктор наверняка тоже.

– Не сомневаюсь, вы убеждали ее в опасности голодания, – сказала Либ.

– Разумеется. И родители тоже, вначале, но Анна непреклонна.

Неужели Либ заставили пересечь море из-за ребяческого упрямства? О’Доннеллы, должно быть, запаниковали, когда их капризная дочь отказалась от завтрака, и послали в Лондон телеграмму с требованием прислать не просто медсестру, а одну из новых и безупречных: «Пришлите Соловья!»

– Сколько времени прошло с ее дня рождения? – спросила она.

– Это было в апреле. – Макбрэрти потерял бакенбарды. – Сегодня минуло четыре месяца.

Если бы не выучка, Либ рассмеялась бы.

– Доктор, в этих обстоятельствах девочка уже умерла бы.

Она ждала, что Макбрэрти чем-то обнаружит свое отношение к абсурдности этого случая – мигнет или постучит себя по носу. Но он лишь кивнул:

– Это великая тайна.

Его слова удивили Либ.

– Но она, по крайней мере, прикована к постели?

Доктор покачал головой:

– Анна ходит, как любая другая девочка.

– Истощена?

– Анна всегда была миниатюрной, но мне кажется, с апреля она мало изменилась.

Он говорил искренне, но это ведь смехотворно. Наверное, эти слезящиеся глаза наполовину слепые.

– И она совершенно не утратила своих способностей, – добавил Макбрэрти. – По сути дела, в ней всюю кипят жизненные силы, и О’Доннеллы уверовали, что она может жить без пищи.

– Невероятно... – Слово прозвучало у Либ излишне иронично.

– Не удивляюсь вашему скептицизму, миссис Райт. Я был настроен так же.

– Был? Вы утверждаете со всей серьезностью, что...

Доктор прервал ее, вскинув сухие руки:

– Очевидное объяснение – что все это обман.

– Да, – с облегчением откликнулась Либ.

– Но это дитя... Она не похожа на других детей. – (Либ ждала продолжения.) – Я ничего не могу вам сказать, миссис Райт. У меня одни только вопросы. Последние четыре месяца я сгораю от любопытства, как, должно быть, и вы сейчас.

Нет, Либ сгорала от желания покончить с этим разговором и выпроводить мужчину из комнаты.

– Доктор, наука утверждает, что жить без пищи невозможно.

– Но разве большинство новых открытий в истории цивилизации не казались поначалу необъяснимыми, почти магическими? – Его голос слегка дрожал от возбуждения. – Все великие, от Архимеда до Ньютона, совершали свои прорывы, без предвзятости изучая явления. Все, о чем я прошу, – будьте беспристрастны, когда завтра увидите Анну О’Доннелл.

Либ опустила глаза, негодуя на Макбрэрти. Как мог врач позволить вовлечь себя в детскую игру и в результате вообразить себя среди великих?

– Позвольте спросить: она наблюдается только у вас?

Либ выразилась вежливо, но хотела узнать, не приглашались ли более крупные специалисты.

– Да, – уверил ее Макбрэрти. – Я знаю Анну с рождения. По сути дела, именно я выдвинул идею написать письмо об этом случае и послать его в «Айриш таймс».

Либ никогда не слышала об этом издании.

– Национальная газета?

– Мм... созданная совсем недавно. Я подумал, что, может быть, ее владельцы не слишком ослеплены сектантскими предрассудками, – с жаром произнес он. – Более открыты необыкновенному, где бы оно ни возникало. Я рассчитывал, знаете ли, поделиться фактами с широкой публикой в надежде, что кто-нибудь найдет им объяснение.

– И кто-нибудь...

– Было несколько восторженных писем, объявляющих случай с Анной совершеннейшим чудом. А также ряд интересных идей, предполагающих, что она может потреблять неразгаданный пока источник питания, наподобие жизненного магнетизма или молекул запаха.

Запах?! Либ поджала губы, чтобы не улыбнуться.

– Один дерзкий корреспондент предположил, что Анна каким-то образом может преобразовывать солнечный свет в энергию, как это делают растения. Или даже питаться воздухом, – добавил доктор, и его морщинистое лицо просветлело. – Помните ту команду с потерпевшего кораблекрушение судна, которая, как говорят, несколько месяцев кормилась табаком?

Либ опустила взгляд, чтобы доктор не прочел насмешку в ее глазах.

– Однако подавляющее большинство напечатанных откликов содержат оскорбление личности, – возобновил свой рассказ Макбрэрти.

– Ребенка?

– Ребенка, родственников и меня. Комментарии не только в «Айриш таймс», но и в

различных британских изданиях, которые, похоже, перепечатывали мое письмо только для того, чтобы подвергнуть осмеянию.

Теперь Либ понимала. Она приехала сюда издалека, чтобы наняться сиделкой и тюремщиком в одном лице, – и все из-за уязвленной гордости одного старика. Почему она не выпытала у главной медсестры подробности?

– Большинство корреспондентов считают О’Доннеллов обманщиками, которые сговорились тайком кормить дочь, чтобы посмеяться над целым светом. – Голос доктора звучал резко. – Название нашей деревни становится символом легковёрности и отсталости. Некоторые из важных местных лиц считают, что на карту поставлена честь нашего графства, а возможно, и всего ирландского народа.

Распространилась ли среди всех этих важных лиц, подобно лихорадке, легковёрность доктора?

– А потому был образован комитет и принято решение организовать наблюдение.

Так, значит, за Либ послали вовсе не О’Доннеллы.

– С целью доказать, что ребенок существует за счет неких необычных источников питания? – Либ постаралась, чтобы в ее голосе не прозвучало ни тени насмешки.

– Нет-нет, – уверил ее Макбрэрти, – всего лишь пролить свет на истину, какова бы она ни была. В течение двух недель при Анне должны находиться днем и ночью, сменяя друг друга, две добросовестные сиделки.

Выходит, Либ вызвали сюда не благодаря ее опыту в хирургии или в уходе за инфекционными больными, а лишь из-за навыков добросовестной медсестры. Пригласив одну из нового поколения медсестер, комитет явно рассчитывал вызвать доверие к безумной истории О’Доннеллов. Превратить это затхлое болото в место обитания чуда. В Либ заклокотала ярость.

Другая женщина, вовлеченная в эту историю, вызывала у нее сочувствие.

– А вторая сиделка? Я ее знаю?

– Разве вы не познакомились с сестрой Майкл за ужином? – нахмурился доктор.

Бессловесная монахиня. Либ следовало догадаться. Странно, что они берут имена мужчин-святых, словно отказываясь от женских черт. Но почему монахиня не представилась? Возможно, ее низкий поклон означал, что они с англичанкой вместе вовлечены в эту неразбериху.

– Она тоже проходила подготовку в Крыму?

– Нет. По моей просьбе ее прислали из дома призрения в Талламоре, – сказал Макбрэрти.

Одна из странствующих монахинь. Либ работала в Шкодере с монахинями из этого ордена. Они, по крайней мере, надежные работницы.

– Родители попросили, чтобы хотя бы одна из вас имела такое же, как у них, э-э...

Итак, О’Доннеллы просили себе католичку.

– Вероисповедание.

– Да, и национальность, – как бы смягчая сказанное, добавил он.

– Насколько я понимаю, англичан в этой стране не любят, – с натянутой улыбкой произнесла Либ.

– О, слишком сильно сказано, – возразил Макбрэрти.

А как же те лица, которые поворачивались к повозке, когда Либ ехала по деревенской улице? Наверное, те мужчины говорили о ней, потому что ждали ее приезда. И не просто

приезда англичанки, а женщины, присланной для надзора за баловнем местного сквайра.

– Сестра Майкл поможет более близкому общению с ребенком, вот и все, – сказал Макбрэрти.

Как будто близкое общение может быть необходимым или даже полезным качеством сиделки! А в качестве второй сиделки он нанял одну из знаменитой команды мисс Н., чтобы надзор выглядел более добросовестным, особенно для английской прессы.

Либ подумывала очень сдержанно произнести такие слова: «Доктор, вижу, меня привезли сюда в надежде, что мое сотрудничество с великой женщиной поможет придать возмутительному обману видимость респектабельности. Я не стану в этом участвовать». Если отправиться в дорогу утром, то в госпиталь она вернется через два дня.

Перспектива подобного объяснения наполнила ее унынием. Либ представила себе, как пытается объяснить, что работа в Ирландии оказалась нежелательной по моральным соображениям. Вот главная медсестра посмеется!

Итак, Либ сдержала раздражение и сосредоточилась на практических сторонах. Только наблюдение, как сказал Макбрэрти.

– А если в какой-то момент моя подопечная выразит малейшее желание, путь даже завуалированное, что-нибудь съесть... – начала она.

– Тогда дайте ей это. – Судя по голосу, доктор был поражен. – Мы не морим детей голодом, миссис Райт.

Либ кивнула:

– Значит, через две недели мы, медсестры, должны представить вам информацию?

– Меня, как лечащего врача Анны, к тому же втянутого в эти газетные дразги, могут посчитать заинтересованной стороной, – покачал головой доктор. – Так что вы под присягой будете отчитываться перед выборным комитетом. – (Она будет ждать этого с нетерпением.) – Вы и сестра Майкл по отдельности, – подняв узловатый палец, добавил доктор, – безо всякого обсуждения. Мы хотим услышать независимое мнение каждой из вас.

– Отлично. Можно спросить: почему это наблюдение не проводится в местной больнице?

Если предположить, что в самом сердце острова таковая имеется.

– О’Доннеллы отказались от самой идеи поместить свою малышку в лазарет графства, – ответил Макбрэрти.

Все сходится: сквайр с супругой, должно быть, тайно приносят дочери еду. Для их разоблачения не потребуется двух недель надзора.

Либ осторожно подбирала слова, поскольку доктор явно благоволил к маленькой плутовке:

– А если до истечения двух недель я найду доказательство того, что она тайно принимает пищу, следует ли мне сразу сообщить комитету?

Заросшие волосами щеки обмякли.

– Полагаю, в таком случае продолжать означало бы понапрасну тратить время и деньги.

В таком случае Либ на днях сможет отплыть в Англию, с удовлетворением оставив за спиной нелепый эпизод.

Более того, в газетах Соединенного Королевства будет отмечена заслуга медсестры Элизабет Райт в разоблачении обмана. Весь штат госпиталя проявит к ней интерес. Кто тогда назовет ее заносчивой? Может, из этого выйдет что-то хорошее и Либ займет положение, более соответствующее ее способностям. Жизнь ее перестанет быть пресной.

Либ подняла руку, прикрывая неожиданный зевок.

– Пожалуй, мне пора, – сказал Макбрэрти. – Должно быть, около десяти.

Она потянула за цепочку на талии и открыла часы:

– На моих восемнадцать минут одиннадцатого.

– Это английское время. Мы здесь отстаем на двадцать пять минут.

Либ спала в общем хорошо.

Солнце встало около шести. К этому времени она уже оделась в униформу из госпиталя: серое твидовое платье, шерстяной жакет и белую шапочку. Одежда, по крайней мере, подходила ей – не так, как было в Шкодере, где медсестрам выдавали униформу стандартного размера и Либ напоминала девочку-нищенку, выросшую из одежды.

Она позавтракала в одиночестве в комнатухе позади лавки. Свежие яйца с ярко-желтыми желтками. Прислуга – Мэри? Мэг? – была в том же заляпанном переднике, что и накануне. Вернувшись за посудой, она сообщила Либ, что ее ожидает мистер Таддеус, и сразу же вышла. Либ не успела даже сказать, что не знает такого человека.

Либ вошла в переднюю часть паба.

– Вы хотели поговорить со мной? – спросила она стоящего там мужчину, не зная, надо ли добавлять «сэр».

– С добрым утром, миссис Райт, надеюсь, вы спали хорошо. – Этот мистер Таддеус отличался обходительностью, чего она не ожидала от человека в полинялом сюртуке. Розовое, не очень молодое лицо со вздернутым носом, копна черных волос, показавшаяся из-под приподнятой шляпы. – Если вы готовы, я отведу вас к О’Доннеллам.

– Вполне готова.

Но, услышав сомнение в ее голосе, он добавил:

– Добряк-доктор подумал, что пусть вас представит доверенный друг семьи.

– У меня создалось впечатление, что такой друг – это доктор Макбрэрти, – сказала Либ.

– Ну да, конечно, – откликнулся мистер Таддеус, – но полагаю, О’Доннеллы питают особое доверие к священнику.

Священник? Мужчина был в штатском.

– Прошу прощения, следует ли именовать вас отцом Таддеусом?

– Что ж, так сейчас принято, – пожал он плечами, – но в наших краях мы не забиваем себе голову подобными вещами.

Трудно было представить этого дружелюбного мужчину исповедником деревни, посвященным в людские тайны.

– На вас нет пасторского воротника или...

Либ указала на его грудь, не зная названия черного одеяния на застежке.

– У меня, разумеется, есть все облачение для религиозных праздников, – с улыбкой ответил мистер Таддеус.

Вытирая руки о передник, поспешно вошла девушка.

– Вот ваш табак, – сказала она, заворачивая края бумажного пакетика и передавая его через прилавок.

– Благослови тебя Бог, Мэгги, и коробок спичек тоже. Правильно, сестра?

Он смотрел мимо Либ. Она обернулась и увидела застывшую на месте монахиню. Когда та успела пролезть сюда?

Сестра Майкл кивнула священнику, а потом и Либ, конвульсивно дернув губами, что,

видимо, заменяло улыбку. Патологически робкая, подумала Либ.

Почему Макбрэрти не пригласил двух Соловьев, раз уж он за это отвечает? Либ пришло в голову, что за столь короткий срок не нашлось медсестер средних лет – из светских или религиозных кругов. Неужели Либ оказалась единственной крымской медсестрой, не сумевшей найти себе подходящее место лет на пять вперед? Единственная без определенного занятия и поэтому проглотившая отравленную приманку в виде этой работы?

Все трое свернули налево и пошли в бледном солнечном свете вдоль улицы. Либ, неловко сжимая кожаный саквояж, шла между монахиней и священником.

Совсем не похоже на английскую деревню. Строения, развернутые под разными углами, подставляли друг другу плечи. Либ заглянула в одно из окон и увидела старуху, сидящую у стола, заставленного корзинами. Торгующая вразнос своими изделиями хозяйка? Никакой суеты утра понедельника, какую можно было ожидать. Мимо прошел мужчина с мешком на спине, обменявшись приветствиями с мистером Таддеусом и сестрой Майкл.

– Миссис Райт работала с мисс Найтингейл, – обращаясь к монахине, заметил священник.

– Слышала об этом. – В следующий момент сестра Майкл сказала Либ: – Должно быть, у вас есть опыт в хирургии.

Либ кивнула со всей возможной скромностью:

– Помимо этого, мы часто сталкивались с холерой, дизентерией, малярией. Зимой, разумеется, обморожения.

Фактически английские медсестры много времени тратили на набивку матрасов, варку каши и стирку. Но Либ не хотела, чтобы Макбрэрти принимал ее за невежественную прислужницу. Этого никто не мог постичь – спасение жизней зачастую сводилось к тому, чтобы прочистить засорившуюся уборную.

Никаких признаков рыночной площади или лужаек, привычных для английской деревни. Ослепительно-белая церковь была единственным с виду новым зданием. Священник свернул направо как раз перед ней и пошел по грязному переулку, огибающему кладбище. Замшелые, косые могильные плиты не располагались рядами, а были беспорядочно разбросаны.

– Дом О’Доннеллов стоит за деревней? – спросила Либ, удивляясь, что семья не позаботилась прислать извозчика, не говоря о том, что не поселила у себя сиделок.

– Немного в стороне, – тихо произнесла монахиня.

– Малахия разводит шортгорнскую породу коров, – добавил священник.

Это бледное солнце горячее, чем она думала. Либ вспотела под плащом.

– Сколько детей у них в семье?

– Теперь только девочка, с тех пор как Пэт покинул их. Храни его Господь! – ответил мистер Таддеус.

Куда уехал? Для Либ наиболее вероятной казалась Америка, или Британия, или колонии. Ирландия, эта расточительная мать, похоже, отправляет за рубеж половину своего отощавшего выводка. Значит, у О’Доннеллов всего двое детей, не много для ирландской семьи.

Они миновали убогий домишко, из трубы которого шел дым. Потом тропинка из переулка повернула к другой хижине. Либ обшаривала взглядом болотистую пустошь, силясь разглядеть признаки поместья О’Доннеллов. Следует ли ей спрашивать о более чем очевидном? Каждая из нанятых сиделок должна сформировать собственное мнение. До Либ дошло, что эта прогулка, возможно, единственный шанс посоветоваться с доверенным

другом семьи.

– Мистер Таддеус, хочу спросить: вы можете подтвердить честность О’Доннеллов?

Прошло несколько мгновений.

– У меня нет причин в ней сомневаться.

Либ никогда прежде не беседовала с католическим священником и не смогла разгадать, лукавит ли тот.

Монахиня не сводила глаз с зеленого горизонта.

– Малахия – очень немногословный человек, – продолжал мистер Таддеус. – К тому же трезвенник. – (Это удивило Либ.) – Ни капли не взял в рот с тех пор, как дал зарок воздержания, еще до рождения детей. Его жена – настоящий светоч прихода, очень активна в общине Девы Марии.

Эти подробности мало что значили для Либ, но смысл она уразумела.

– Ну а Анна О’Доннелл?

– Чудесная девочка, – ответил мистер Таддеус.

В каком смысле: добродетельная? Или необыкновенная? Девчонка всех их явно очаровала. Либ пристально вглядывалась в профиль мужчины.

– Интересно, вы когда-нибудь советовали ей воздержание от пищи в качестве некоей духовной закалки?

Священник протестующе поднял руки:

– Миссис Райт, полагаю, вы не нашей веры?

– Меня крестили в Англиканской церкви, – тщательно подбирая слова, ответила Либ.

Монахиня, казалось, наблюдает за пролетающей вороной. Опасается порчи?

– Так вот, – сказал мистер Таддеус, – позвольте уверить вас, что католики должны держать пост лишь несколько часов, например с полуночи до причастия на следующее утро. Кроме того, мы воздерживаемся от мяса по средам и пятницам и во время Великого поста. Понимаете, умеренное воздержание от пищи подавляет телесные нужды, – с легкостью произнес священник, словно говорил про погоду.

– В смысле, аппетит?

– Среди прочих.

Либ опустила глаза на скользкую землю под ногами.

– И хотя бы в малой степени разделяя страдания Господа нашего, мы соперничаем Ему, – продолжал он, – так что пост может служить покаянием.

– То есть если человек наказывает себя сам, ему будут прощены его грехи? – спросила Либ.

– Или даже грехи других людей, – еле слышно произнесла монахиня.

– Сестра права, – подтвердил священник, – если мы великодушно предлагаем списать свои страдания на счет ближнего.

Либ вообразила себе огромный гроссбух с занесенными в него дебитами и кредитами.

– Но главное – пост не должен доходить до крайности и приносить вред здоровью, – добавил мистер Таддеус.

Трудно поймать эту скользкую рыбешку.

– Тогда почему, по-вашему, Анна О’Доннелл пошла против правил своей Церкви?

– За последние месяцы я много раз увещевал ее, умолял что-нибудь съесть. – Священник дернул широкими плечами. – Но она не поддается ни на какие уговоры.

Что такого было в этой избалованной мисс, что позволило ей вовлечь всех окружающих

в эту шарату?

– Вот мы и пришли, – пробормотала сестра Майкл, указывая на конец еле различимой тропинки.

Неужели это цель их путешествия? Низкая лачуга нуждалась в новой побелке, солома с крыши нависала над тремя маленькими квадратами стекла. В дальнем углу, под той же крышей, был устроен хлев.

Либ вдруг поняла глупость своих предположений. Если сиделок нанял комитет, то Малахию О’Доннеллу необязательно быть преуспевающим. Вероятно, единственное, что отличает эту семью от других, еле сводящих концы с концами, – это утверждение о том, что их девочка питается воздухом.

Либ уставилась на низкую крышу жилища О’Доннеллов. Не поторопись Макбрэрти с письмом в газету, мир за пределами этих промокших полей ничего не узнал бы. Сколько важных персон вложили в это странное предприятие свою наличность и свои имена? Неужели они надеются, что по прошествии двух недель обе медсестры послушно заговорят о чуде, сделав эту жалкую деревушку легендой христианского мира? Неужели они надеются купить одобрение и уважение как сестры милосердия, так и Соловья?

Троица прошла по тропинке мимо навозной кучи, и Либ неодобрительно поморщилась. Толстые стены хижины там и сям покосились. Разбитое стекло ближайшего к ним окна было заткнуто тряпкой. Дверь имелась только в нижней части проема, как в конюшне. Мистер Таддеус толкнул заскрипевшую половинку двери и сделал знак Либ войти первой.

Она шагнула в темноту.

Что-то прокричала женщина на незнакомом Либ языке.

Глаза Либ начали приспосабливаться к полумраку. Под ногами земляной пол. Две женщины в капорах с оборками, которые всегда носят ирландки, снимали одежду с сушилки, стоящей у очага. Передав одежду более молодой худощавой женщине, та, что постарше, выбежала вперед, чтобы поздороваться со священником за руку.

Он ответил ей на том же языке – должно быть, ирландском, – затем перешел на английский.

– Розалин О’Доннелл, полагаю, вчера ты познакомилась с сестрой Майкл.

– С добрым утром, сестра. – Женщина сжала руки монахини.

– А это миссис Райт, одна из знаменитых крымских медсестер.

– Подумать только! – У матери семейства были широкие костистые плечи, серые глаза и невеселая улыбка. – Благослови вас Господь за то, что приехали к нам издалека, мэм.

Неужели эта женщина в своем невежестве считает, что на том полуострове все еще бушует война и Либ приехала прямо из гущи сражения?

– Надо было бы принять вас в хорошей комнате. – Розалин О’Доннелл кивнула на дверь справа от камина. – Но там сейчас посетители.

Прислушавшись, Либ различила тихие звуки пения.

– Нам и здесь отлично, – заверил женщину мистер Таддеус.

– Садитесь, я принесу чай, – настаивала миссис О’Доннелл. – Все стулья в комнате, так что пока садитесь на табуретки. Хозяин копает торф для Шеймуса О’Лалора.

Табуретки представляли собой сиденья из бревен, которые женщина придвинула к самому очагу. Либ выбрала себе одну, попытавшись чуть отодвинуть ее подальше от огня. Хозяйка как будто обиделась. Понятное дело, ведь у очага самое почетное место. Так что Либ села, поставив саквояж с прохладной стороны, чтобы ее мази не растаяли.

Усевшись, Розалин О'Доннелл перекрестилась, то же сделали священник и монахиня. Либ подумала, а не надо ли последовать их примеру. Ну нет, было бы смешно копировать местных жителей.

Пение из соседней комнаты зазвучало громче. Камин выходит в оба помещения, сообразила Либ, поэтому звуки проникаются оттуда.

Пока прислуга снимала с огня кипящий чайник, миссис О'Доннелл говорила со священником о вчерашнем дожде и о том, каким необычно теплым оказалось это лето. Ни слова о дочери.

Униформа прилипла к телу Либ. Она напонила себе, что наблюдательная медсестра не должна тратить время даром. Либ заметила простой стол, придвинутый к задней стене без окна. Крашеный буфет со странной зарешеченной, как у клетки, нижней частью. Несколько маленьких дверец в стене – стенные шкафы? Прибитая сверху гвоздями занавеска из старых мешков из-под муки. Все довольно примитивное, но опрятное. Закопченный колпак трубы сплетен из прутьев. С каждой стороны камин виднеются квадратные углубления, а повыше висит на гвозде ящичек с солью. На каминной полке пара латунных подсвечников, распятие и небольшой дагеротип под стеклом в черной лакированной рамке.

– А как сегодня Анна? – наконец спросил мистер Таддеус, когда они прихлебывали крепкий чай, в том числе и горничная.

– Вполне в себе, слава Богу.

Миссис О'Доннелл бросила в сторону комнаты еще один тревожный взгляд.

Неужели дитя поет гимны вместе с посетителями?

– Нельзя ли рассказать сестрам ее историю? – попросил мистер Таддеус.

Женщина озадаченно посмотрела на него:

– Какая история может быть у ребенка?

Либ переглянулась с сестрой Майкл и взяла инициативу в свои руки:

– Каким было здоровье вашей дочери до этого года?

– Анна всегда была нежным цветочком, но не плаксивой или обидчивой. Когда у нее появлялась царапина или ячмень на глазу, она делала небольшое пожертвование для церкви.

– А какой у нее был аппетит? – спросила Либ.

– О, она никогда не была жадной и не выпрашивала гостинцев. Очень хорошая девочка.

– А ее душевный настрой? – спросила монахиня.

– Нет причин для жалоб, – ответила миссис О'Доннелл.

Эти неопределенные ответы не удовлетворили Либ.

– Анна ходит в школу?

– Да, мистер О'Флаэрти души в ней не чаёт.

– Она ведь выиграла медаль, верно? – Служанка неожиданно указала на что-то, чуть не расплескав чай.

– Верно, Китти, – ответила хозяйка, кивнув на каминную полку, точно курица, клюющая зерно.

Либ, поискав глазами, нашла медаль – маленький бронзовый диск в подарочном футляре около фотографии.

– Но после коклюша, который Анна в прошлом году подхватила в школе, – рассказывала миссис О'Доннелл, – мы решили оставить нашу девчужку дома, даже несмотря на грязь, разбитые окна и сквозняки. Но она и самостоятельно очень упорно занимается по книгам. Дома и стены помогают, как говорят.

Либ не знала этой поговорки. Она продолжила расспросы, потому что ей пришло в голову, что нелепые выдумки Анны могут быть основаны на фактах.

– С начала недомогания у нее бывали нарушения пищеварения?

Либ предположила, что сильный кашель мог вызвать у ребенка внутренние повреждения.

Однако миссис О'Доннелл с натянутой улыбкой покачала головой.

– Рвота, запор или понос?

– Только изредка, как это случается с растущими детьми, – ответила миссис О'Доннелл.

– Выходит, до одиннадцати лет, – уточнила Либ, – Анна, по вашим словам, была нежной и чувствительной, и ничего больше?

Женщина поджала шелушащиеся губы:

– С седьмого апреля – вчера с того дня минуло четыре месяца – Анна не съела ни кусочка, не выпила ни глотка, ничего, кроме чистой воды.

Если это правда, с долей неприязни подумала Либ, какая мать говорила бы об этом с таким возбуждением?

Но конечно, это неправда, напонила она себе. Так что приложила Розалин О'Доннелл руку к этой мистификации или дочке удалось запудрить матери мозги – в любом случае у женщины нет причины бояться за своего ребенка.

– Она не подавилась чем-нибудь перед днем рождения? Или, может быть, съела что-то протухшее?

– В этой кухне не бывает ничего протухшего! – разозлилась миссис О'Доннелл.

– Вы спрашивали ее поесть? – допытывалась Либ.

– Можно было даже не пытаться.

– Анна как-то объясняла свой отказ?

Женщина наклонилась чуть ближе, словно желая поделиться секретом:

– Этого не нужно.

– Не нужно было объяснять причину? – спросила Либ.

– Она в этом не нуждается, – ответила Розалин О'Доннелл, обнажив в улыбке щербатый рот.

– Вы хотите сказать, в еде? – еле слышно спросила монахиня.

– Ей ни крошки не нужно. Она живое чудо.

Должно быть, это хорошо отрепетированный спектакль. Если не принимать во внимание, что блеск в глазах женщины выражает, как показалось Либ, твердую веру.

– И вы утверждаете, что последние четыре месяца ваша дочь пребывает в добром здравии?

Розалин О'Доннелл выпрямила внушительный торс, и ее редкие ресницы затрепетали.

– В этом доме, миссис Райт, вы не найдете никаких лживых утверждений, никакого жульничества. Это скромный дом, но таковым был и хлев.

Подумав о лошадях, Либ была озадачена, но потом поняла, что женщина имела в виду Вифлеем.

– Мы простые люди – муж и я. Объяснить это мы не в силах, но наша девочка отмечена особым Божественным провидением. Разве Богу не подвластно подобное? – обратилась она к монахине.

– Неисповедимы пути Господни, – слабо кивнула сестра Майкл.

Вот почему О'Доннеллы попросили прислать монахиню. Либ почти в этом не

сомневалась. И почему доктор выполнил их просьбу. Все они считали, что старая дева, посвятившая себя Христу, легче большинства людей поверит в чудо. Или в большей степени суеверна.

Мистер Таддеус внимательно наблюдал за происходящим:

– Но ведь вы с Малахией желаете, чтобы эти добрые сестры побыли с Анной две недели и потом доложили обо всем комитету?

Миссис О’Доннелл широко раскинула худощавые руки, и ее клетчатая шаль едва не соскользнула с плеч.

– Желаем, даже очень! Чтобы восстановить наше доброе имя от Корка до Белфаста.

Либ едва не рассмеялась. Так беспокоиться о своей репутации, живя в этой жалкой лачуге, а не в каком-нибудь особняке...

– И что нам прятать? – продолжала женщина. – Разве мы не отворили двери всем доброжелателям с четырех сторон света?

Ее напыщенность рассердила Либ.

– Кстати говоря, – сказал священник, – гости, похоже, собираются уходить.

Либ даже не заметила, когда прекратилось пение. Дверь, ведущая в другое помещение, приотворилась, и потянуло сквозняком. Она встала и заглянула в щель.

Так называемая хорошая комната отличалась от кухни в основном своей пустотой. В ней не было ничего, кроме буфета с немногими тарелками и кувшинами за стеклом и нескольких веревочных стульев. Полдюжина людей стояли, повернувшись к углу комнаты, который был не виден Либ, с широко открытыми горящими глазами, словно их взорам предстало нечто поразительное. Она напрягла слух, пытаясь различить их бормотание.

– Спасибо, мисс.

– Пара святых карт для твоей коллекции.

– Позволь оставить тебе этот пузырек с маслом, который освятил в Риме нашему кузену его святейшество.

– Вот цветы, срезанные утром в моем саду.

– Тысячу раз благодарю, и не поцелуешь ли моего ребенка?

Эта последняя женщина поспешила в угол со свертком.

Либ мучилась оттого, что не может хотя бы украдкой увидеть *необыкновенное чудо*. Не эти ли слова произнесли вчера в винной лавке фермеры? Да, судя по всему, они восхищались не каким-то двухголовым быком, а Анной О’Доннелл, живым чудом. Очевидно, сюда каждый день впускались толпы, желающие пасть ниц у ног девочки. Какая пошлость!

Либ вспомнила, что один фермер неодобрительно высказался о толпе, которая *всячески угождает ей*. Должно быть, он имел в виду посетителей, жаждущих обласкать ребенка. Что, по их мнению, они совершали, делая из девочки святую, ибо вообразили, будто она поднялась выше обычных человеческих потребностей? Как те разряженные статуи, которые проносят по улицам во время религиозных церемоний.

Правда, голоса этих людей для Либ звучали на ирландском. Миссис О’Доннелл преувеличила, говоря о четырех сторонах света. Дверь в комнату распахнулась, и Либ отступила в сторону.

Посетители, шаркая ногами, вышли.

– Миссис, это вам за беспокойство.

Мужчина в круглой шляпе предложил Розалин О’Доннелл монету.

Ага! Корень всякого зла. Наподобие состоятельных туристов, платящих крестьянину за

возможность позировать на пороге его грязной лачуги со скрипкой, у которой недостает половины струн. О’Доннеллы наверняка участвуют в этом жульничестве, решила Либ, притом из вполне предсказуемых побуждений – деньги.

Но хозяйка спрятала руки за спину:

– Гостеприимство нам не в тягость.

– Для милой девчушки, – произнес посетитель, но Розалин О’Доннелл продолжала трясти головой. – Я настаиваю.

– В ящик для бедных, сэр, если хочется что-то оставить.

Она кивком указала на железный сейф, стоящий на табурете у двери.

Либ упрекнула себя в невнимательности.

На выходе посетители бросали в щель свои жертвования. Некоторые из монет, судя по звуку, были тяжелыми. Эта маленькая проказница привлекала не меньше внимания, чем стоящий у дороги крест или камень. Либ сильно сомневалась, что О’Доннеллы отдадут хотя бы пенни из ящика менее удачливым беднякам, чем они сами.

Дождаясь, пока пройдет толпа, Либ стояла у каминной полки, а потому смогла рассмотреть дагеротип. Снимок с темным фоном был сделан несколько лет назад, до эмиграции сына. Розалин О’Доннелл, напоминающая внушительный тотем, на коленях у нее откинулся назад в несколько неподобающей позе худой юнец, а у отца на коленях сидит прямо маленькая девочка. Либ прищурилась, пытаясь рассмотреть снимок сквозь блики на стекле. У Анны О’Доннелл были волосы до плеч, такие же темные, как у Либ. В общем, она не отличалась от любой другой девочки.

– Идите в ее комнату, а я схожу за ней, – сказала Розалин О’Доннелл сестре Майкл.

Либ сжалась. Каким образом эта женщина собирается подготовить дочь к их надзору?

Запах от тлевшего торфа вдруг стал для Либ нестерпимым. Она пробормотала что-то о свежем воздухе и вышла во двор.

Распрямив плечи, Либ вдохнула воздух и почувствовала запах навоза. Если она останется, ей придется принять вызов – разоблачить это жалкое надувательство. В лачуге не больше четырех комнат. Она не сомневалась, что ей хватит одной ночи, чтобы поймать девчонку, воруящую еду, – одна та будет или с помощниками. Миссис О’Доннелл? Ее муж? Прислуга, судя по всему, единственная? Или все они вместе? Это означало, что за поездку Либ заработает сущие гроши. Разумеется, менее честная сиделка заговорила бы только по прошествии двух недель, чтобы получить жалованье за это время. Единственная цель Либ – довести дело до конца, убедиться в том, что здравый смысл возобладает над абсурдом.

– Я, пожалуй, загляну к другим моим прихожанам, – произнес у нее за спиной розовощекий священник. – Сестра Майкл предложила первой заступить на дежурство, поскольку вы, наверное, устали от путешествия.

– Нет, – откликнулась Либ, – я вполне готова начать.

На самом деле ей не терпелось увидеть девочку.

– Как пожелаете, миссис Райт, – произнесла монахиня своим шелестящим голосом.

– Значит, вы придете через восемь часов, сестра? – спросил мистер Таддиус.

– Двенадцать, – поправила его Либ.

– По-моему, доктор Макбрэрти предложил смены по восемь часов, как менее утомительные, – сказал он.

– Тогда мы обе будем вставать и ложиться в разное время, – заметила Либ. – Моя долгая практика дежурств показывает, что две смены более удобны для сна.

– Но чтобы выполнить условия надзора, вам придется быть рядом с Анной каждую минуту, – вставил мистер Таддеус. – Восемь часов представляется достаточно долгим сроком.

Из этого Либ сделала лишь один вывод: если они станут работать по двенадцать часов и она начнет первой, то сестра Майкл всегда будет дежурить ночью, когда девочке легче стащить еду. Разве может Либ рассчитывать на то, что монахиня, большую часть жизни прожившая в провинциальном монастыре, будет такой же внимательной, как она сама?

– Что ж, хорошо, значит, по восемь часов, – делая подсчет в уме, проговорила она. – Мы можем передавать смену, скажем, в девять вечера, пять часов утра и час дня? Эти часы не слишком нарушат семейный распорядок.

– Тогда до часа дня? – спросила монахиня.

– Поскольку мы начинаем только сейчас, в середине утра, я с радостью останусь с девочкой до девяти вечера, – ответила Либ.

Длинный первый день поможет ей подготовить комнату и разработать по своему усмотрению процедуру наблюдения.

Монахиня плавно заскользила по тропинке в сторону деревни. Как они осваивают эту особую походку, думала Либ. Наверное, это всего лишь иллюзия, создаваемая черным одеянием, касающимся травы.

– Удачи, миссис Райт, – приподнимая шляпу, сказал мистер Таддеус.

Удачи? Как будто она на скачках.

Либ собралась с духом и вошла в дом, где миссис О’Доннелл и служанка подвешивали на крюк нечто напоминающее массивного серого гнома. Либ не сразу разглядела, что это железный котелок.

Хозяйка повернула котелок над очагом и кивнула в сторону полуоткрытой двери слева от Либ:

– Я сказала Анне про вас.

Что сказала – что миссис Райт заморская шпионка? В лучшем виде подучила девчонку, как одурачить англичанку, как та уже одурачила многих взрослых?

Спальня представляла собой ничем не украшенную квадратную комнату. На стуле с прямой спинкой, поставленном между окном и кроватью, словно прислушиваясь к звучащей внутри ее музыке, сидела миниатюрная девочка в сером платье. Темно-рыжие волосы, чего не видно было на фотографии. При скрипе двери Анна О’Доннелл подняла глаза, и ее лицо осветилось улыбкой.

Обманщица, напомнила себе Либ.

Девочка встала и протянула Либ руку.

Та осторожно пожала ее. Пухлые пальцы, прохладные на ощупь.

– Как ты сегодня себя чувствуешь, Анна?

– Очень хорошо, госпожа, – тонким, ясным голоском ответила девочка.

– Сестра, – поправила ее Либ, – или, если хочешь, миссис Райт, или мэм.

Оказалось, она не знает, о чем еще говорить. Достав из саквояжа маленькую записную книжку и рулетку, она принялась делать записи, чтобы выявить хоть какие-то закономерности в этой нелепой истории.

Понедельник, 8 августа 1859 года, 10:07

Рост: 46 дюймов.

Размах рук: 47 дюймов.

Обхват головы над бровями: 22 дюйма.

Голова от макушки до подбородка: 8 дюймов.

Девочка изо всех сил старалась угодить. Стоя очень прямо в своем простом платье и на удивление больших ботинках, она послушно меняла положение тела при измерениях, словно разучивала па какого-то незнакомого танца. У нее были довольно круглые щеки, что напрочь отметало историю с голоданием. Большие карие глаза – почти того же оттенка, что и у Либ, немного навывкате, осененные густыми ресницами. Фарфоровые белки, зрачки расширены, что могло объясняться тусклым светом из оконца. По крайней мере, окно было открыто и в комнату попадал летний воздух. В их госпитале главная медсестра придерживалась устаревшего представления о том, что окна следует держать закрытыми, дабы в помещение не проникали ядовитые миазмы.

Девочка была очень бледной, но ирландцы в целом отличаются бледной кожей, пока она не покраснеет на воздухе. Но было и кое-что странное: почти незаметный бесцветный пушок на щеках. И в конце концов, ложь девочки о голодании не защищает ее от какого-либо настоящего расстройства. Либ все это записала.

Мисс Н. считала, что некоторые медсестры чересчур полагаются на свои записи, а это ухудшает память. Тем не менее она никогда не запрещала им вести их. Либ привыкла рассчитывать на свою память, но в данном случае ее наняли скорее не как медсестру, а как наблюдателя, что требовало безукоризненных записей.

Другая странность – мочки ушей и губы Анны имели синеватый оттенок, также и ногти. На ощупь она была прохладная, словно только что гуляла в метель.

– Тебе холодно? – спросила Либ.

– Не особенно.

Ширина груди на уровне молочной железы: 10 дюймов.

Обхват грудной клетки: 24 дюйма.

Глаза девочки следовали за ней.

– Как вас зовут?

– Я уже говорила: миссис Райт, но ты можешь обращаться ко мне «сестра Райт».

– Я имею в виду имя.

Либ проигнорировала эту маленькую дерзость и продолжала писать.

Обхват бедер: 25 дюймов.

Объем талии: 21 дюйм.

Обхват средней части руки: 5 дюймов.

– Зачем нужны эти цифры? – спросила девочка.

– Они... чтобы мы убедились, что ты в добром здравии, – сказала Либ.

Абсурдный ответ, но вопрос застал ее врасплох. Ведь обсуждать с пациентом особенности наблюдения – нарушение протокола.

Пока все данные доказывали, что Анна – маленькая лживая нахалка. Да, она худая, лопатки похожи на обрубки несуществующих крыльев. Но не настолько, как бывает у детей после месяца без еды, тем более четырех месяцев. Либ знала, как выглядят голодающие. В Шкодер привозили тощих, точно скелеты, беженцев, у которых кости выпирали из-под кожи, как шести для палатки из-под брезента. Нет, у этой девочки был округлый живот. Модные красавицы шнуровали себя в надежде добиться талии в шестнадцать дюймов, а у Анны она была на пять дюймов больше.

Что Либ действительно нужно было узнать, так это вес ребенка. Если за две недели эта

цифра увеличится хотя бы на унцию, это докажет, что Анну тайком кормят. Она сделала два шага в сторону кухни, чтобы спросить, где можно взять весы, но вспомнила, что обязана ни на минуту не выпускать ребенка из виду до девяти часов вечера.

Странное ощущение, будто находишься в тюрьме. Либ подумала было позвать миссис О'Доннелл из спальни, но не захотела показаться высокомерной, в особенности в начале первого дежурства.

– Остерегайтесь подделок, – пробормотала Анна.

– Прошу прощения?

Кончик пухлого пальца обводил слова, оттиснутые на рифленой кожаной обложке записной книжки.

Либ сурово взглянула на девочку. Вот уж действительно подделка.

– Производители утверждают, что их бархатная бумага не похожа ни на какую другую.

– Что такое бархатная бумага?

– Она имеет специальное покрытие, позволяющее писать на ней металлическим карандашом.

Девочка погладила страничку.

– Все написанное здесь будет несмываемым, – сказала Либ. – Ты знаешь, что такое несмываемый?

– Пятно, которое нельзя вывести.

– Правильно. – Либ забрала записную книжку и стала думать, какие еще сведения можно вытянуть из девочки.

– Тебя беспокоят какие-нибудь боли, Анна?

– Нет.

– Головокружения?

– Может быть, иногда, – призналась Анна.

– Пульс у тебя скачет или замедляется?

– В иные дни бывает неровным.

– Ты боишься?

– Чего боюсь?

Того, что тебя разоблачат, маленькая плутовка. Но вслух Либ сказала:

– Может быть, меня и сестру Майкл. В твоём доме чужие люди.

– По-моему, вы добрая, – покачала головой Анна. – Вряд ли вы причините мне зло.

– Совершенно верно.

Однако Либ стало не по себе, словно она наобещала сверх меры. Она приехала сюда не для того, чтобы проявлять доброту.

Теперь дитя что-то шептало с закрытыми глазами. В следующий миг Либ поняла, что это молитва. Демонстрация благочестия, дабы сделать так называемый пост более правдоподобным?

Окончив молитву, Анна подняла взор, сохраняя обычное безмятежное выражение лица.

– Открой рот, пожалуйста, – попросила Либ.

В основном молочные зубы, один или два постоянных и несколько промежутков, где еще не выросли новые зубы. Как рот более младшего по возрасту ребенка.

Несколько кариесов? Дыхание немного несвежее.

Язык чистый, красный и гладкий.

Миндалины слегка увеличены.

Темно-рыжие волосы без головного убора разделены в центре пробором и завязаны сзади небольшим узлом. Либ освободила волосы и стала перебирать пальцами сухие вьющиеся пряди. Она ощупала кожу головы в поисках чего-либо спрятанного, но не обнаружила ничего, кроме шелушащейся болячки за одним ухом.

– Можешь прибрать волосы.

Анна неумело завозилась со шпильками.

Либ подошла, чтобы помочь, но потом отодвинулась. Она здесь не для того, чтобы нянчиться с девочкой или быть при ней горничной. Ей платят только за наблюдение.

Немного неуклюжая.

Рефлексы нормальные или чуть замедленные.

Ногти на пальцах рук заостренные, в белых пятнышках.

Ладони и пальцы явно опухшие.

– Сними, пожалуйста, ботинки.

– Это ботинки моего брата, – сказала Анна.

Ступни, лодыжки и икры сильно опухшие.

Неудивительно, что Анна воспользовалась оставленными эмигрантом ботинками. Может ли это быть водянкой, накоплением воды в тканях?

– Когда у тебя началось это с ногами?

Девочка пожала плечами.

Любопытно: в том месте, где чулки завязывались под коленками, остались вмятины. То же самое с пятками. Либ наблюдала такую отечность только у беременных. Подобно скульптору, ваяющему ребенка из глины, она медленно и твердо надавила пальцем на икру девочки. Отпечаталась вмятина.

– Тебе больно?

Анна покачала головой.

Либ устала на ногу, на которой остались вмятины. Возможно, это не очень серьезно, но с ребенком что-то не в порядке.

Либ продолжала осмотр, постепенно снимая с девочки одежду. Даже если Анна обманщица, нельзя мучить ее. Девочка дрожала, но не от смущения, а словно на дворе был январь, а не август.

Мало признаков созревания.

Анна скорее тянула на восемь-девять лет, а не на одиннадцать.

Прививка от оспы на предплечье.

Молочно-белая кожа Анны была сухой на ощупь, местами коричневатой и грубой. На коленках синяки, что характерно для детей. Но крошечные голубовато-красные пятнышки на голених девочки – Либ никогда не сталкивалась с такими раньше. Она заметила на руках, спине, животе и ногах девочки тот же самый тонкий пушок – как у детеныша обезьяны. Присуща ли подобная волосатость ирландцам в целом? Либ вспомнила карикатуры из популярных изданий, изображающих их в виде пигмеев с обезьяньими повадками.

Либ пролистала свои записи. Несколько тревожных симптомов, но ничего, что соответствовало бы претенциозному утверждению О’Доннеллов о четырехмесячном голодании.

Ладно, где ребенок может прятать еду? В поисках потайных карманов Либ ощупала каждый шов платья и нижней юбки. Одежда была во многих местах заштопана, но аккуратно – пристойная бедность. Либ осмотрела все части тела ребенка, в которых можно было

спрятать самые минимальные запасы, – начиная от подмышек до промежутков между опухшими пальцами ног. Ни крошки.

Анна снова принялась что-то нашептывать, опустив ресницы на щеки. Либ ничего не могла разобрать, за исключением много раз повторенного слова, звучавшего как... Доротея, вероятно? Католики всегда обращаются к посредникам, желая получить помощь от Бога в своих мелких делах. Наверное, существует святая Доротея?

– Что ты читаешь? – спросила Либ, когда ей показалось, что девочка замолчала.

– Молитву.

– Я догадалась. Какую молитву? – (Девочка покачала головой.) – Послушай, Анна, разве мы не хотим подружиться?

Либ сразу пожалела о выборе слов, потому что круглое личико осветилось.

– Мне бы этого хотелось.

– Я лишь спросила, какую молитву ты иногда читаешь.

– Об этом... не надо говорить, – ответила Анна.

– А... Значит, это тайная молитва?

– Личная, – поправила ее девочка.

Девочки – даже искренние – действительно любят секреты. Она вспомнила свою сестру, которая прятала под их матрасом дневник. Это не помешало Либ прочитать в нем все до единого слова.

Либ собрала стетоскоп и прижала его плоское основание к левой стороне детской груди между пятым и шестым ребром, а другой конец приложила к своему уху. Тук-тук, тук-тук. Сначала она прослушала мельчайшие изменения в тонах сердца. Потом в течение минуты отсчитывала пульс по часам, висевшим у нее на поясе. Затем сделала запись:

Пульс четкий, 89 ударов в минуту.

Это соответствовало ожидаемому диапазону. Потом Либ приложила стетоскоп к различным местам спины девочки и снова записала:

Легкие здоровые, 17 вдохов и выдохов в минуту.

Никаких хрипов Либ не услышала. Анна казалась здоровее многих своих соотечественников.

Усевшись на стул – мисс Н. отучала своих подопечных сидеть на кровати пациента, – Либ приложила стетоскоп к животу девочки, пытаясь уловить малейшее бульканье, которое выдало бы присутствие пищи. Попробовала другое место. Тишина.

Область желудочно-кишечного тракта твердая, похожая на барабан.

Либ легонько постучала по животу.

– Что ты чувствуешь?

– Полный живот, – ответила Анна.

Либ округлила глаза. «Полный», когда по звуку он совершенно пустой? Это что – вызов?

– Неприятно полный?

– Нет.

– Теперь можешь одеться.

Анна медленно и немного неловко оделась.

Говорит, что ночью спит хорошо, по 7–9 часов.

Интеллектуальные способности не нарушены.

– Ты жалеешь, что не ходишь в школу, дитя?

Девочка покачала головой.

Похоже, от избалованного ребенка О'Доннеллов не ждали помощи в домашней работе.

– Может быть, тебе нравится ничего не делать?

– Я читаю, шью, пою и молюсь, – спокойно проговорила девочка.

Конфронтация не входила в намерения Либ. Но по крайней мере, она может быть откровенной. Мисс Н. всегда рекомендовала быть откровенным, поскольку ничто так не подтачивает здоровье пациента, как неопределенность. Она могла бы сделать для Анны доброе дело, подавая ей пример искренности, высоко держа светильник, чтобы вывести девочку из дебрей лживости. Захлопнув записную книжку, Либ спросила:

– Знаешь, зачем я здесь?

– Не дать мне кушать.

Надо же было такое сказать!

– Вовсе нет. Моя задача – выяснить, правда ли, что ты голодаешь. Я бы очень обрадовалась, если бы ты стала есть, как другие дети, как все люди. – (Анна кивнула.) – Есть что-нибудь такое, чего тебе очень хочется? Бульон, пудинг с саго, что-то сладкое?

Либ говорила себе, что всего лишь задает ребенку вопрос, а не заставляет есть. Ведь это могло бы повлиять на результат наблюдения.

– Нет, спасибо.

– Почему нет, можешь объяснить?

Легкая улыбка.

– Не могу сказать, миссис... мэм, – поправила себя Анна.

– Это тоже личное?

Анна кротко взглянула на нее.

Хитрая, подумала Либ. Девочка, наверное, поняла, что любые объяснения выйдут ей боком. Скажи, например, Анна, что она слышала голос Создателя, велевшего ей воздержаться от пищи, она тем самым сравнила бы себя со святой. Если, с другой стороны, она стала бы бахвалиться, что поддерживает жизнь особыми естественными ресурсами, ей пришлось бы в интересах науки доказать это.

Погоди, мисси, скоро я тебя раскушу.

Либ огляделась по сторонам. До сегодняшнего дня Анне ничего не стоило таскать еду по ночам из соседней кухни, или еду могли тайком приносить ей взрослые.

– Ваша прислуга...

– Китти? Она наша кузина.

Анна вынула из комода клетчатую шаль. Сочные красные и коричневые тона добавили ее лицу немного краски.

Значит, прислуга к тому же и бедная родственница. Такому зависимому человеку трудно отказаться принять участие в заговоре.

– Где она спит?

– На скамье.

Анна кивнула в сторону кухни.

Разумеется, нижним сословиям достается меньше кроватей, чем членам семьи, поэтому приходится импровизировать.

– А твои родители?

– Они спят в закутке.

Либ не знала такого слова.

– Для кровати отгорожено место на кухне, за занавеской, – объяснило дитя.

Либ уже раньше успела заметить портьеру из мешковины, но подумала, что она отгораживает кладовку. Как нелепо со стороны О'Доннеллов оставлять пустой лучшую комнату, а самим спать в импровизированной комнатухе. Вероятно, у них все же достаточно гордости, чтобы стремиться к большему.

Прежде всего надо было проверить, не служит ли эта узкая спальня для трюков с едой. Либ дотронулась до стены, и у нее на пальцах остались чешуйки побелки. Какая-то сыроватая штукатурка, а не дерево, кирпичи или камни, как в английских домах. Ну, по крайней мере, это означает, что легко будет обнаружить любое углубление, в котором может быть спрятана еда.

Она должна быть уверена, что девочке негде укрыться от ее взгляда. Для начала следовало убрать старую расшатанную деревянную ширму. Либ сложила вместе три створки и отнесла ее к двери.

Не выходя из спальни, она заглянула на кухню. Миссис О'Доннелл помешивала что-то в трехногом котелке, стоящем в очаге, а прислуга месила тесто за длинным столом. Либ внесла ширму со словами:

– Нам это не потребуется. Можете принести мне таз с горячей водой и тряпку?

– Китти, – повернув голову, обратилась к горничной миссис О'Доннелл.

Либ украдкой бросила взгляд на девочку, снова шептавшую молитвы у кровати.

Затем вернулась к узкой кровати, стоявшей у стены, и принялась разбирать ее. Деревянный остов кровати, соломенный матрас, покрытый заляпанным полотняным чехлом. Ну, по крайней мере, не перина. Мисс Н. проклинала перины. Новый матрас из конского волоса был бы более гигиеничным, но Либ едва ли может попросить О'Доннеллов раскошелиться на такой. Она подумала о сейфе, набитом монетами, которые формально предназначались для бедных. Кроме того, Либ напомнила себе, что приехала сюда не для того, чтобы заботиться о здоровье девочки, а лишь анализировать его. Она прощупала весь чехол – нет ли утолщений и прорех в швах, в которых можно что-то спрятать.

Странное звяканье на кухне – колокольчик? Звук повторился один, два, три раза. Созывают семью к столу на дневную трапезу? Но разумеется, Либ придется ждать, пока ей принесут еду в спальню.

Анна О'Доннелл поднялась:

– Можно, я пойду и прочту «Ангелус»?

– Тебе следует оставаться в поле моего зрения, – напомнила Либ, ощупывая валик, набитый оческами.

На кухне послышался голос. Голос матери?

Девочка, опустившись на колени, внимательно прислушивалась.

– И она зачала от Духа Святого, – откликнулась Анна. – Радуйся, Мария, благодати полная. Господь с тобой...

Либ узнала эту молитву. Это явно не личная молитва. Анна громко выпевала слова, и они доносились до соседней комнаты.

За стеной голосу Анны вторили приглушенные женские голоса. Потом все стихло. И вновь зазвучал голос Розалин:

– Се, Раба Господня.

– Да будет Мне по слову твоему^[3], – откликнулась Анна.

Либ отодвинула кровать от стены, чтобы иметь возможность подходить к ней с трех сторон. Потом для проветривания перекинула чехол через спинку кровати и поставила рядом

валик. Молитва продолжалась – с призывами, откликами, хором и звоном колокольчика.

– И пребывает среди нас, – нараспев произнесла девочка.

Склоняясь по очереди к углам кровати, Либ в поисках объедков прощупала каждую перекладину, каждый узел и закоулок. Потом обшарила пол, выискивая следы углублений, в которые можно что-то запрятать.

Наконец молящиеся умолкли, и Анна поднялась на ноги.

– Вы разве не читаете «Ангелус», миссис Райт? – чуть запыхавшись, спросила она.

– Так называется то, что вы сейчас читали? – вместо ответа спросила Либ.

Кивок, как будто все это знают.

Либ стряхнула с юбки пыль и вытерла руки о передник. Где же горячая вода? Китти просто ленится или игнорирует английскую сиделку?

Анна достала из рабочей корзины что-то большое и белое и принялась подшивать его, стоя в углу у окна.

– Садись, дитя, – указывая на стул, сказала Либ.

– Мне здесь очень удобно, мэм.

Какой парадокс – Анна О’Доннелл, отъявленная притворщица, но с хорошими манерами. Либ поняла, что не в состоянии обращаться с ней с той суровостью, которую она заслуживает.

– Китти, – позвала Либ, – не могла бы ты принести еще один стул, а также воды?

Никакого ответа из кухни.

– Возьми пока этот стул, – настаивала Либ. – Мне он не нужен.

Анна перекрестилась и села на стул, продолжая шить.

Либ чуть-чуть отодвинула комод от стены, чтобы убедиться в том, что за ним ничего не спрятано. Выдвинула по очереди все ящики – древесина покоробилась от сырости – и стала перебирать одежду девочки, ощупывая каждый шов и подол.

На комод стоял кувшин с поникшим одуванчиком. Мисс Н. одобряла цветы в больничных палатах, высмеивая бабушкины сказки о том, что они якобы отравляют воздух. Она говорила, что яркие расцветки и разнообразие форм поддерживают не только дух, но и тело. В первую неделю работы Либ в госпитале мисс Н. пыталась втолковать это главной медсестре, которая лишь презрительно фыркала.

Либ пришло в голову, что цветок, на который никто и не взглянет, может быть источником питания. А жидкость – это действительно вода, или некий прозрачный бульон, или сироп? Либ понюхала воду, но учуяла только резкий запах одуванчика. Потом опустила палец в воду и поднесла его к губам. Безвкусная, в той же степени, что и бесцветная. Но может быть, там находится какой-то питательный элемент, обладающий этими свойствами?

Либ чувствовала, что девочка наблюдает за ней. Господи! Либ попала в западню заблуждений старого доктора. Это просто вода. Она вытерла руку о передник.

Рядом с кувшином ничего, кроме небольшого деревянного ящичка. Нет даже зеркала. Неужели Анне никогда не хочется посмотреть на себя?

– Это мои сокровища, – вскакивая, сказала Анна.

– Как мило. Можно посмотреть?

Либ уже шарила внутри, на тот случай, если Анна объявит, что это личное.

– Конечно.

Церковные безделушки: четки, сделанные, похоже, из семян, с простым крестиком на конце, раскрашенный подсвечник в форме Богородицы с Младенцем.

– Красиво, правда? – Анна дотронулась до подсвечника. – Это мама и папа подарили мне в день конфирмации.

– Важный день, – пробормотала Либ.

Статуэтка показалась ей безвкусной. Она ощупала фигурку, чтобы убедиться, что это фарфор, а не что-то съедобное. И только потом разрешила девочке взять ее.

Анна прижала подсвечник к груди:

– Конфирмация – самый важный день.

– Почему?

– В тот день я перестала быть ребенком.

Есть что-то комичное в том, что это дитя воображает себя взрослой женщиной. Либ стала вглядываться в надпись на крошечном серебряном овале, не больше кончика пальца.

– Это мой чудотворный образок, – сказала Анна, беря его с ладони Либ.

– Какие чудеса он сотворил?

Вопрос прозвучал немного легкомысленно, но девочка не обиделась.

– Очень много, – поглаживая образок, заверила она Либ. – То есть не именно этот, а все чудотворные образки в христианском мире вместе.

Либ ничего не ответила. На дне шкатулки она нашла крошечный диск в стеклянном футляре, на котором был оттиснут ягненок, несущий флаг и герб. Это ведь не может быть хлеб от причастия? Право, святотатством было бы хранить облатку в детской шкатулке.

– Что это, Анна?

– Мой Агнус Деи.

Агнец Божий. Эти слова на латыни Либ знала. Она откинула крышку футляра и слегка потерла диск ногтем.

– Не ломайте!

– Не сломаю. – Поняв, что это не хлеб, а воск, Либ положила коробочку в протянутую ладонь Анны.

– Все образки освящены его святейшеством, – захлопнув крышку, сообщила девочка. – Агнус Деи прекращает наводнения и тушит пожары.

Либ задумалась над происхождением этой легенды. Если учесть, что воск плавится, кто мог бы представить, что от него будет толк при пожаре?

В ящичке ничего не осталось, кроме нескольких книг. Либ прочитала заголовки – все религиозные. «Служебник для мирян», «Подражание Христу». Она выдернула из черной «Книги псалмов» прямоугольник с орнаментом размером с игральную карту.

– Положите на место, – взволнованно произнесла Анна.

Так, может быть, в книге спрятана еда?

– Минутку... – Либ пролистнула страницы. Ничего, кроме маленьких прямоугольников.

– Это мои священные карты. Каждая на своем месте.

На той, что держала Либ, отпечатана молитва с затейливо вырезанным, как кружево, краем, к которому привязана ленточка с одним из крошечных образков. На обратной стороне рисунок пастелью: женщина, обнимающая овцу. Сверху написано: «Divine Bergère». Божественная... что?

– Видите, эта подходит к псалму сто восемнадцать: «Я сбился с пути, как отбившаяся от стада овца», – продекламировала Анна, постукивая по карточке и даже не заглядывая в нее.

Очень напоминает «У Мэри был маленький барашек», подумала Либ. Теперь она заметила, что все книги в ящичке забиты этими прямоугольниками.

– Кто дал тебе эти карточки?

– Некоторые были призами в школе или в миссии, другие подарены посетителями.

– Где сейчас эта миссия?

– Ее закрыли. Мой брат оставил мне самые красивые карточки. – Анна поцеловала карточку с овцой и засунула ее на место.

Какой удивительный ребенок...

– У тебя есть любимый святой?

Анна покачала головой:

– Все они учат нас разному. Некоторые родились хорошими, а другие были злыми, пока Господь не очистил их души.

– Правда?

– Он может выбрать любого и сделать его благочестивым, – уверила Анна.

Дверь распахнулась так неожиданно, что Либ вздрогнула. Пришла Китти с тазом горячей воды.

– Извините, что задержалась. Я носила хозяину еду, – тяжело дыша, проговорила молодая женщина.

Малахия О'Доннелл... Копают торф для соседа – в качестве услуги или в дополнение к жалким доходам от фермы? Либ пришло на ум, что здесь, наверное, только мужчин кормят в полдень.

– Где для вас прибраться? – спросила служанка.

– Я сама, – хватая таз, ответила Либ.

Нельзя впредь пускать в комнату домочадцев. Возможно, Китти прячет под передником еду для ребенка.

Служанка нахмурилась – от смущения или от обиды?

– Ты, наверное, занята. Можно попросить у тебя еще один стул, а также свежее постельное белье?

– Простыню? – спросила Китти.

– Пару, – поправила ее Либ, – и чистое одеяло.

– У нас этого нет, – покачала головой горничная.

Отсутствующее выражение на лице Китти. Похоже, ее мысли заняты чем-то другим.

– Она хочет сказать, что нет чистых простыней, – пояснила Анна. – Стирка в следующий понедельник, если только не будет чересчур сыро.

– Понятно, – подавив раздражение, сказала Либ. – Ну, тогда только стул, Китти.

Либ добавила в воду хлорированную соду из своей бутылки и протерла все поверхности. Запах резкий, но чистота обеспечена. Она вновь застелила постель теми же несвежими простынями и серым одеялом. Потом выпрямилась. Куда еще можно запрятать чуточку еды?

Эта комната совсем не похожа на загроможденную мебелью комнату для больного у богатых людей. Помимо кровати, комода и стула, только плетеный коврик на полу, с рисунком из темных линий. Либ приподняла его – под ним ничего. Без коврика комната станет совсем скучной и ногам будет холодно. К тому же самое вероятное место, где можно спрятать корочку или яблоко, – это кровать. Однако комитет не станет заставлять девочку спать на голых досках, как узицу. Нет, но, чтобы убедиться в отсутствии еды, Либ придется осматривать комнату часто и без предупреждения.

Китти наконец-то принесла стул и с грохотом поставила его на пол.

– Когда будет минутка, вынеси этот коврик и выбей его, – сказала Либ. – Скажи, где

можно взять весы, чтобы взвесить Анну?

Китти покачала головой.

– Может быть, в деревне?

– Мы пользуемся пригоршнями. – (Либ недоуменно нахмурилась.) – Например, пригоршни муки и щепотки соли. – Служанка изобразила их в воздухе.

– Я не имею в виду хозяйственные весы, – сказала Либ. – Что-то большое для взвешивания человека или животного. Может, такие есть на одной из соседних ферм?

Китти устало пожало плечами.

Анна, смотревшая на поникший одуванчик, и виду не подавала, что слышит их. Словно разговор шел о весе другой девочки.

Либ вздохнула:

– Тогда принеси, пожалуйста, кувшин чистой воды и чайную ложку.

– Хотите что-нибудь перекусить? – выходя, спросила Китти. Фраза смутила Либ. – Или подождете до ужина?

– Могу подождать, – ответила Либ.

Когда горничная ушла, Либ пожалела о сказанном, поскольку была голодна. Но почему-то в присутствии Анны О’Доннелл Либ не могла объявить о том, что хочет есть. И это совершенно нелепо, напомнила она себе, потому что девчонка – притворщица.

Анна снова бормотала свою молитву к Доротее. Либ велела себе проигнорировать это. Ей и прежде приходилось мириться с еще более раздражающими привычками. Тот мальчик со скарлатиной, за которым она ухаживала, – он все время отхаркивался на пол. Или та сумасшедшая старушка, которая считала лекарство ядом и отталкивала руку Либ, проливая его ей на платье.

Теперь девочка очень тихо напевала, сложив руки на оконченном шитье. Она не делала тайны из этого гимна. Пожалуй, Анна хотела сохранить в тайне лишь молитву к Доротее.

Чу! Слушай гимн небесный,
Ангельские хоры в вышине.
Херувимов, серафимов
Неустанно льется песня...

Когда Китти принесла кувшин воды, Либ похлопала по свисающей хлопьями шпукатурке.

– Что это такое, можно узнать?

– Стена, – ответила Китти.

Девочка чуть слышно хихикнула.

– Я имею в виду, из чего она сделана? – спросила Либ.

Лицо горничной прояснилось.

– Из глины.

– Только из глины? Правда?

– Да, но в фундаменте есть камни, чтобы отгонять крыс.

Когда она ушла, Либ воспользовалась маленькой костяной ложкой, чтобы попробовать воду из кувшина. Ни намек на какую-то примесь.

– Хочешь пить, дитя? – (Анна покачала головой.) – Может быть, все же выпьешь глоток?

Тут она перестаралась – слишком сильно ввелись в нее привычки медсестры. И Либ тут же напомнила себе, что ей нет никакого дела до того, попьет плутовка или нет.

Однако Анна открыла рот и без усилия проглотила ложку воды.

– О, прости меня, если я подкреплю свои силы, – пробормотала она.

Обращалась она, разумеется, не к Либ, а к Господу.

– Еще?

– Нет, спасибо, миссис Райт.

Либ записала:

13:13, одна чайная ложка воды.

Она полагала, что количество не так уж важно, но ей хотелось составить полный отчет обо всем, что проглотила девочка во время ее дежурства.

Теперь действительно не осталось никаких дел. Либ села на второй стул. Он стоял рядом со стулом Анны, их юбки почти соприкасались, но поставить его было больше некуда. Либ подумала о предстоящих долгих часах, и ей стало не по себе. Она проводила с другими частными пациентами месяцы напролет, но здесь было иное, ведь она следила за девочкой, точно хищная птица, и Анна это понимала.

Тихий стук в дверь заставил Либ подскочить.

– Малахия О’Доннелл, мэм.

Фермер постучал себя по пуговицам вылинявшего жилета.

– Мистер О’Доннелл... – Либ пожалала его жесткую руку.

Либ поблагодарила бы его за гостеприимство, но это показалось ей не совсем уместным, ведь она здесь в роли шпиона.

Мистер О’Доннелл был приземистым и жилистым, худым, как жена, но не таким ширококостным. Анна пошла в отца. Но ни у кого из этой семьи нет лишнего жира. Худые, как марионетки в кукольном театре.

Наклонившись, он поцеловал дочь около уха:

– Как ты, крошка?

– Очень хорошо, папочка.

Малахия О’Доннелл стоял, кивая.

Либ почувствовала разочарование. Она ожидала от отца семейства чего-то большего. Главный организатор закулисных интриг или по меньшей мере один из заговорщиков, столь же язвительный, как его жена. Но этот увалень...

– Вы держите шортгорнов, мистер О’Доннелл?

– Ну, сейчас совсем немного, – ответил он. – Я беру в аренду пару заливных лугов для пастбища. И продаю... сами знаете что, для удобрения.

Либ поняла, что он имеет в виду навоз.

– Скот иногда... – Малахия умолк. – Можно сказать, с ними больше беспокойства, чем выгоды. То отобьются от стада, то ноги переломают, то застрянут где-нибудь...

Что еще Либ видела во дворе фермы?

– Наверное, у вас есть домашняя птица?

– Теперь они будут принадлежать Розалин, миссис О’Доннелл. – Мужчина кивнул в последний раз, словно договорившись о чем-то, и погладил дочь по волосам. Выходя, он обернулся: – Хотел сказать... Там парень из газеты.

– Прошу прощения?

Малахия указал в сторону окна. Сквозь закопченное стекло Либ увидела фургон.

– Туда нужно отвести Анну.

– Куда отвести? – резко спросила Либ.

Право, о чем только думают люди из комитета, когда организуют наблюдение в этой тесной и грязной лачуге, а потом вдруг отправляют ребенка неизвестно куда?

– Чтобы сделать ее портрет, – объяснил отец. – Сфотографировать.

На одной стороне фургона вычурными буквами была сделана надпись: «РЕЙЛИ И СЫНОВЬЯ, ФОТОГРАФЫ». С кухни доносился незнакомый голос. О, это уж чересчур! Сделав несколько шагов, Либ вспомнила, что ей нельзя отходить от девочки. Она остановилась, обхватив себя руками.

В комнату ворвалась Розалин О’Доннелл.

– Мистер Рейли готов сделать твой дагеротип, Анна.

Девочка кивнула.

– Это действительно нужно? – спросила Либ.

– Его должны напечатать в газете.

Напечатать портрет этой маленькой плутовки, словно она королева. Или, скорее, двухголовый бык.

– Студия далеко отсюда?

– Он сделает это прямо в фургоне.

Миссис О’Доннелл ткнула пальцем в окно.

Либ выпустила девочку вперед, но оттолкнула от ведра без крышки, из которого резко пахло химикалиями. Она узнала запах алкоголя и... был ли это эфир или хлороформ? Эти неприятные запахи вызвали в ее памяти Шкодер, где в ходе непрерывных ампутаций обезболивающие кончались очень быстро.

Помогая Анне подняться по откидным ступеням, Либ снова сморщила нос, почувствовав более сложный неприятный запах. Что-то вроде уксуса и гвоздей.

– Писака был и ушел, да? – спросил находящийся внутри мужчина с прилизанными волосами; Либ прищурила глаза. – Журналист, который пишет про девчужку.

– Я ничего не знаю про журналиста, мистер Рейли.

Сюртук фотографа был чем-то заляпан.

– Встань, пожалуйста, около этих красивых цветов, – сказал он Анне.

– Если придется долго находиться в одном положении, может быть, ей лучше сесть? – спросила Либ.

Она сама один раз позировала для дагеротипа в группе медсестер мисс Н., и это занятие показалось ей утомительным. Через несколько минут от начала одна непоседливая девушка слегка пошевелилась, все изображение смазалось, и пришлось начинать заново.

Рейли хохотнул и на несколько дюймов передвинул камеру, установленную на штативе с колесиками.

– Перед вами мастер современного мокрого процесса. Мне потребуется на это три секунды. Не более десяти минут от затвора до пластины.

Анна стояла там, где ее поставил Рейли, у консоли, положив на нее правую руку рядом с вазой шелковых роз.

Фотограф наклонил зеркало на подставке, так что прямоугольник света упал на лицо Анны, потом нырнул под черное покрывало, брошенное на камеру.

– Подними глаза, девонька. На меня, на меня.

Взгляд Анны неуверенно блуждал по сторонам.

– Посмотри на публику.

Для девочки это значило еще меньше. Ее взгляд остановился на Либ, и она чуть улыbnулась, хотя Либ не улыбалась.

Рейли высунулся из-под покрывала и вставил в аппарат деревянный прямоугольник.

– Теперь замри. Не шевелись. – Он снял с линзы латунную крышку. – Раз, два, три... – Потом быстрым движением вернул ее на место и откинул с глаз сальные волосы. – Можете идти, дамы.

Толкнув дверь, фотограф выскочил из фургона, потом снова забрался туда с ведром вонючих химикалий.

– Почему вы держите это на улице? – взяв Анну за руку, спросила Либ.

Рейли дергал за шнуры, по очереди опуская жалюзи на окнах, отчего в фургоне стало темно.

– Опасность взрыва.

Либ подтолкнула Анну к двери.

Выйдя из фургона, девочка глубоко вдохнула и посмотрела в сторону зеленых полей. На улице она выглядела еще бледнее, на виске проступала голубая жилка.

В спальне девочки день тянулся бесконечно. Анна шептала молитвы и читала свои книги. Либ принялась читать скучную статью про грибок из журнала «Круглый год». Анна выпила еще две ложки воды. Они сидели всего в нескольких футах друг от друга. Время от времени Либ бросала на девочку взгляд поверх страницы. Странно чувствовать себя настолько привязанной к другому человеку.

Либ не могла даже сходить в туалет, пришлось воспользоваться ночным горшком.

– Тебе тоже нужно, Анна?

– Нет, спасибо, мэм.

Либ оставила горшок у двери, прикрыв его тряпкой. Она с трудом сдерживала зевоту.

– Хочешь прогуляться?

– А это можно? – оживилась Анна.

– Конечно, если я пойду с тобой.

Либ хотела проверить выносливость Анны, посмотреть, мешают ли девочке двигаться отеки на ногах. Кроме того, ей нестерпимо было оставаться в этой тесной комнатке.

На кухне Розалин О’Доннелл на пару с Китти снимали ситечками сливки с молока. По виду горничная была раза в два меньше хозяйки.

– Тебе что-нибудь нужно, детка? – спросила Розалин.

– Нет, спасибо, мамочка.

Пища, подумала Либ, необходимая вещь для каждого ребенка. Разве кормление ребенка с первых дней жизни – не главное занятие матери? Худшее огорчение для женщины – это когда ребенка нечем накормить. Или видеть, как ребенок отворачивает маленький рот от еды.

– Мы пойдем прогуляемся, – сказала ей Либ.

Женщина прихлопнула жирную муху и вернулась к своему занятию.

Существуют лишь два возможных объяснения безмятежности ирландки, решила Либ. Или она настолько уверена в Божественном вмешательстве, что не беспокоится за дочь... или знает, что девочка тайком получает еду.

Анна шла, шаркая ногами и тяжело ступая в мальчишеских ботинках, и, когда переносила вес с одной ноги на другую, слегка пошатывалась.

– Ты укрепляешь шаг мой, – пробормотала она, – да не колеблются ноги мои.

– У тебя болят колени? – спросила Либ, когда они шли по тропинке мимо суетливых коричневых куриц.

– Не особенно, – подставляя лицо солнцу, ответила Анна.

– Это все поля твоего отца?

– Он берет их в аренду, – уточнила девочка. – У нас нет своих.

До сих пор Либ не видела никаких наемных работников.

– Он сам делает всю работу?

– Ему помогал Пэт, когда был с нами. Здесь растет овес, – сказала Анна.

В поле, покосившись, стояло перепачканное пугало в коричневых штанах. Похоже, на нем старая одежда Малахии О’Доннелла.

– А на том поле заготавливают сено, но дожди всегда его портят.

Либ показалось, что она узнала низкие растения с зелеными листьями: вожделенный картофель.

Дойдя до проулка, они свернули на тропу, уводящую от деревни, по которой Либ еще не ходила. Какой-то дочерна загорелый мужчина с рассеянным видом чинил каменную стенку.

– Бог в помощь, – молвила Анна.

– И вам тоже, – откликнулся он.

– Это наш сосед мистер Коркоран, – прошептала она Либ.

Наклонившись, Анна сорвала коричневатый стебель со звездообразным цветком. Потом высокую траву с тускло-фиолетовым верхом.

– Любишь цветы, Анна?

– О да! Особенно лилии, конечно.

– Почему «конечно»?

– Потому что это любимые цветы Девы Марии.

Анна говорила о Святом Семействе так, словно это ее родственники.

– Где ты могла видеть лилии? – спросила Либ.

– На картинках, много раз. Или водяные лилии на озере, хотя они не такие. – Присев на корточки, она погладила мелкий белый цветок.

– Что это?

– Росянка, – ответила Анна. – Посмотрите.

Либ всмотрелась в круглые листья на стеблях. Они были покрыты чем-то наподобие липкого пуха с черными крапинками.

– Росянка ловит насекомых и всасывает их, – прошептала Анна, словно боясь побеспокоить растение.

Неужели ребенок прав? Очень интересно, но и страшно тоже. Похоже, у девочки есть тяга к науке.

Поднявшись на ноги, Анна покачнулась и глубоко вздохнула.

Голова закружилась? Не привыкла к физическим нагрузкам, подумала Либ, или ослабла от недоедания? Если даже ее голодание – надувательство, это не означает, что Анна получает полноценное питание, необходимое для подрастающей девочки. Эти выпирающие лопатки говорят о недоедании.

– Может быть, пора возвращаться? – предложила Либ.

Анна не стала возражать. Устала или просто послушалась?

Когда они пришли к дому, Китти была в спальне. Либ собиралась отчитать ее, но

служанка наклонилась к ночному горшку – наверное, чтобы оправдать свое присутствие там.

– Принести вам миску болтушки, госпожа?

– Хорошо, – ответила Либ.

Когда Китти через минуту принесла миску, оказалось, что это каша. Вероятно, это весь ее обед. Четверть пятого, сельское время.

– Возьмите соль.

При виде солонки с маленькой ложечкой Либ покачала головой.

– Берите, – сказала Китти, – это отпугивает мелюзгу.

Либ искоса взглянула на горничную. Она говорит о мухах?

Как только Китти вышла из комнаты, Анна заговорила:

– Она имеет в виду маленький народец.

Либ не поняла.

Девочка задвигала пухлыми руками, изображая танец.

– Феи?

Невероятно!

Девочка скорчила гримаску:

– Им не нравится, когда их так называют.

Она чуть заметно улыбалась, словно обе они знали, что в каше не барахтаются никакие крошечные существа.

Совсем недурно – овсяная каша была сварена скорее на молоке, чем на воде. Однако Либ с трудом глотала в присутствии ребенка, чувствуя себя неотесанной крестьянкой, набивающей рот в присутствии изысканной дамы. Дочь мелкого арендатора земли, напомнила себе Либ. К тому же плутовка.

Анна штопала разорвавшуюся нижнюю юбку. Она не смотрела с вожделием на ужин Либ и не отводила взгляда, как если бы боролась с искушением. Она лишь продолжала делать аккуратные маленькие стежки. Либ прикинула, что если даже девочка съела что-нибудь ночью, то после семи часов надзора она уже проголодалась бы, поскольку выпила лишь три чайные ложки воды. Как она выносит пребывание в комнате, где разносится аромат теплой каши?

Либ дочиста выскребла миску, чтобы ничего не осталось. Как ей не хватает свежее испеченного хлеба!

Немного погодя к ним зашла Розалин О’Доннелл, чтобы показать новую фотографию.

– Мистер Рейли подарил нам одну копию.

Отпечаток был удивительно четким, хотя все оттенки оказались искажены: серое платье обесцветилось до белизны ночной сорочки, а клетчатая шаль стала черной как смоль. Девочка на фотографии, чуть улыбаясь, смотрела в сторону, на невидимую сиделку.

Анна лишь на миг взглянула на снимок, как будто из вежливости.

– И рамка такая красивая, – сказала миссис О’Доннелл, поглаживая литое олово.

Простая, необразованная женщина, подумала Либ. Может ли человек, бесхитростно восторгающийся дешевой рамкой, придумать столь замысловатый трюк? Либ украдкой взглянула на Анну. Не исключено, что виновата только эта хитрющая крошка. Еще до начала наблюдения, начавшегося этим утром, девчонка без ведома семьи могла легко запасть всей необходимой едой.

– Эта фотография встанет на каминной полке рядом с бедным Пэтом, – с восхищением разглядывая снимок с расстояния вытянутой руки, добавила Розалин О’Доннелл.

Кто знает, не бедствует ли сын О'Доннеллов там, в Штатах? Или, быть может, родители не имеют об этом понятия? Иногда эмигранты пропадали и от них не было никаких вестей.

Когда хозяйка вернулась на кухню, Либ уставилась в окно, рассматривая траву, примятую колесами фургона Рейли. Потом, повернувшись, она наткнулась взглядом на ужасные ботинки Анны. Либ пришло в голову, что мать парня назвала его бедным Пэтом, потому что тот был слабоумным от рождения, дурачком. Это объясняло бы его странную развязную позу на семейной фотографии. Но в таком случае как могли О'Доннеллы отправить несчастного в Америку? Так или иначе, не стоит обсуждать этот предмет с его младшей сестрой.

Еще несколько часов кряду девочка перебирала свои священные карточки – по сути дела, играла с ними, нежно прикасаясь к ним, внимательно вглядываясь и время от времени что-то бормоча. Так обычно девочки играют с игрушками.

Либ в это время листала небольшую книгу, которую всегда возила с собой, – «Заметки по сестринскому делу», дар от автора.

В половине девятого она решила, что Анне пора ложиться спать.

Девочка перекрестилась и переделалась в ночную сорочку, с опущенными глазами застегивая пуговицы спереди и на рукавах. Потом сложила одежду и положила ее на комод. Она не воспользовалась ночным горшком, так что Либ по-прежнему нечего было измерять. Девочка из воска, а не из плоти.

Когда Анна развязала волосы и стала причесываться, то на расческе осталось довольно много темных прядей. Это обеспокоило Либ. Чтобы ребенок терял волосы, как немолодая женщина... «Она сама делает это с собой, – напомнила себе Либ. – Это часть продуманного обмана, с помощью которого она собирается одурачить весь свет».

Анна вновь осенила себя крестным знаменем и забралась в кровать. Потом села, опершись на валик, и принялась читать псалмы.

Либ сидела у окна, глядя, как на западе небо окрашивается оранжевыми полосами. Могла она пропустить какой-то крошечный тайник с едой? Сегодня ночью девочке может выпасть верный шанс, когда на месте Либ окажется монахиня. Достаточно ли хорошо видят глаза стареющей сестры Майкл? Достаточно ли она сообразительна?

Китти внесла тонкую свечу в широкий латунном подсвечнике.

– Сестре Майкл понадобятся еще свечи, – сказала Либ.

– Сейчас принесу одну.

– Мало будет и полдесятка. – (У горничной слегка отвисла челюсть.) – Знаю, что это очень хлопотно, но постарайся достать лампы. – Либ старалась говорить примирительно.

– Сейчас китовое масло очень дорого.

– Тогда пусть будет другое масло.

– Завтра попробую что-нибудь найти, – с зевком ответила Китти.

Через несколько минут она вернулась с молоком, овсяными лепешками и маслом – ужином Либ.

Намазывая маслом лепешку, Либ украдкой наблюдала за Анной, которая была по-прежнему увлечена книгой. Настоящий подвиг – весь день ничего не есть и делать вид, что не замечаешь пищу. Такая выдержка в столь юном создании – твердость, даже честолюбие. Если эти способности направить на благие цели, как много могла бы достичь Анна О'Доннелл! Имея опыт ухода за разными женщинами, Либ знала, что самообладание важнее едва ли не любого другого таланта.

Либ прислушивалась к позвякиванию посуды и невнятным голосам, доносящимся с той стороны полуоткрытой двери. Даже если мать и не причастна к обману, она, по крайней мере, наслаждается всей этой суетой. И у входной двери стоит ящик с деньгами... Как там говорится в той старой поговорке? «Дети – богатство бедняка». Имеется в виду богатство в метафорическом смысле, но иногда и в буквальном.

Анна переворачивала страницы, беззвучно шепча слова.

На кухне произошло какое-то движение. Либ высунула голову и увидела монахиню, которая снимала черный плащ. Она вежливо кивнула сестре Майкл.

– Вы преклоните вместе с нами колени, сестра? – спросила миссис О’Доннелл.

Монахиня пробормотала, что не хочет заставлять миссис Райт ждать.

– Ничего страшного, – вынуждена была сказать Либ.

Она вновь повернулась к Анне, которая стояла у нее за спиной – немного призрачная в ночной рубашке, – и Либ вздрогнула. В руке девочка держала нитку коричневых семян.

Анна проскользнула мимо Либ и встала коленями на земляной пол между родителями. Монахиня и горничная уже преклонили колена, и каждая сжимала маленький крестик на четках.

– Верую в единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого.

Пять голосов в унисон произносили слова молитвы.

Теперь Либ едва ли могла уйти, потому что глаза сестры Майкл были закрыты, а ее лицо, обрамленное громоздким головным убором, склонялось над сложенными руками. Никто не следил за Анной. Так что Либ вошла и села на табурет у стены, откуда ей хорошо было видно девочку.

Бессвязное бормотание перешло в «Отче наш», которую Либ помнила с юности.

– И остави нам долги наши, – тут все они в унисон ударили каждый себя в грудь, чем напугали Либ, – якоже и мы оставляем должникам нашим.

Либ подумала, что, может быть, теперь они встанут и пожелают друг другу спокойной ночи. Но нет, группа погрузилась в молитву «Аве Мария», потом следующую, и следующую. Это было нелепо. Неужели Либ застрянет здесь на весь вечер? Она заморгала, чтобы увлажнить утомленные глаза, но не сводила их с Анны и ее родителей, чьи широкие фигуры почти загорали девочку. Чтобы передать кусок, хватило бы мимолетного встречного движения рук. Либ слегка прищурилась, удостоверившись, что ничто не коснулось красных губ Анны.

Взглянув на часы, висящие у пояса, Либ поняла, что прошла четверть часа. Во время этого изнурительного действия девочка ни разу не покачнулась, не опустилась. Либ изредка обводила взглядом комнату, чтобы дать глазам отдых. Между двумя стульями был привязан толстый муслиновый мешочек, с которого капало в таз. Что бы это могло быть?

Потом слова молитвы изменились.

– К Тебе взываем, изгнанные чада Евы...

Наконец вся эта морока подошла к концу. Католики вставали, потирая затекшие ноги, и Либ могла теперь уйти.

– Доброй ночи, мамочка, – сказала Анна.

– Через минуту приду с тобой попрощаться.

Либ взяла плащ и сумку. Она упустила случай наедине поговорить с монахиней. В присутствии ребенка она не смогла бы выговорить: «Ни на секунду не спускайте с нее глаз».

– Увидимся утром, Анна.

– Доброй ночи, миссис Райт.

Направляясь в сторону деревни, Либ повернула налево в том месте, где тропинка от дома О’Доннеллов доходила до переулка. Еще не совсем стемнело, и горизонт у нее за спиной по-прежнему отсвечивал красным. В теплом воздухе пахло животными и дымом горящего торфа. От долгого сидения у Либ болело все тело. Ей действительно нужно было поговорить с доктором Макбрэрти о неудовлетворительных условиях надзора, но не в эту позднюю пору.

Что же ей удалось разузнать? Мало или почти ничего. Пожалуй, единственным секретом, который хранила Анна О’Доннелл, были слова наиболее часто повторяемой ею молитвы.

Впереди на дороге показался чей-то силуэт с длинным ружьем на плече. Либ сжалась. Ей не приходилось оказываться ночью на улице в сельской местности.

Первой к ней подошла собака, обнюхав юбку Либ. Потом, чуть заметно кивнув, мимо прошел мужчина.

Настойчиво заголосил петух. Из коровника гуртом выходили коровы, а хозяин за ними следом. Либ полагала, что фермеры выгоняют скот днем, а на ночь загоняют в хлев, чтобы животные были в безопасности, а не наоборот. Это место представлялось ей совершенно непонятным.

Надзор

наблюдать

охранять кого-либо

бодрствовать всю ночь

нести вахту

В ее сне мужчины всегда просили табака. Полуголодные, немые, с волосами, кишашими насекомыми, с искромсанными конечностями в окровавленных бинтах, они умоляли лишь о том, чтобы было чем набить их трубки. Когда Либ проходила мимо, они протягивали к ней руки. Через треснутые окна задувало снегом, а дверь все хлопала и хлопала...

– Миссис Райт!

– Я здесь, – хриплым голосом отозвалась Либ.

– Четверть пятого, вы просили вас разбудить.

Либ находилась в комнате над пабом, в самом сердце Ирландии. Голос, прозвучавший вслед за хлопанием двери, вероятно, принадлежал Мэгги Райан.

– Да, – откашлялась Либ.

Одевшись, она достала «Заметки по сестринскому делу» и, не глядя, открыла книгу, ткнув пальцем в случайную строчку. Как та игра с гаданием по Библии, в которую они с сестрой играли в скучные воскресные дни. Женщины, прочитала она, гораздо чаще бывают *точными и внимательными*, чем представители сильного пола, и поэтому *избегают ошибок по недосмотру*.

Но невзирая на все вчерашние усилия, Либ пока не удалось раскрыть обман. Сестра Майкл пробыла там всю ночь. Может быть, она разгадала загадку? Либ в этом сомневалась. Вероятно, монахиня сидела с полузакрытыми глазами, перебирая четки.

Ну уж нет, Либ не согласна, чтобы ее одурачил ребенок одиннадцати лет. Сегодня надо быть еще более точной и внимательной и доказать себе, что она достойна надписи на этой книге, сделанной красивым почерком мисс Н.: «Миссис Райт, обладающей истинным призванием к сестринскому делу».

Леди всегда пугала Либ, и не только при первой встрече. Каждое произнесенное мисс Н. слово звучало как с высокой кафедры. «Никаких отговорок, – внушала она новобранцам. – Упорно работайте и ни в чем не отказывайте Богу. Пусть земной шар вертится, а вы исполняйте свой долг. Не жалуйтесь, не отчаивайтесь. Лучше утонуть в волнах прибоя, чем празднично стоять на берегу».

В частной беседе она как-то заметила: «У вас есть одно важное преимущество перед вашими коллегами-сестрами, миссис Райт. Вы одинокая. Ни с кем не связаны».

Либ опустила взгляд на свои руки. Без связей. Опустошенная.

«Так скажите, вы готовы к этой благородной борьбе? Можете без колебаний броситься на прорыв?»

«Да, – ответила тогда Либ. – Могу».

Все еще темно. Только убывающая луна освещала путь по единственной деревенской улице, потом поворот направо, в переулок, мимо наклонившихся, покрытым мхом надгробий.

К счастью, Либ не была суеверной. Без лунного света она ни за что не нашла бы нужную, еле заметную тропинку, ведущую к ферме О’Доннеллов, поскольку все хижины выглядели одинаково. Было без четверти пять, когда она постучала в дверь.

Ответа не последовало.

Либ не хотела стучать сильнее, чтобы никого не потревожить. Из дверей коровника, справа от нее, лился свет. Похоже, женщины доят коров. Отзвук мелодии – одна из них, вероятно, пела коровам. На этот раз не гимн, а заунывная баллада – они Либ никогда не нравились.

В ее глазах небесный свет сияет,
Как хороша, сама она не знает.
И ангел пожелал ее забрать,
Уж не вернется на Лох-Ри она опять.

Либ толкнула входную дверь хижины, и распахнулась верхняя ее часть.

В пустой кухне пылал камин. В углу кто-то шуршал – крыса? В Шкодере Либ перестала бояться грызунов и прочую нечисть. На ощупь найдя задвижку, она открыла нижнюю часть двери. Потом пересекла комнату и наклонилась, чтобы заглянуть в зарешеченную нижнюю часть буфета.

Глаза-бусинки курицы. Всего около десятка птиц, которые принялись тихо кудахтать. Либ подумала, что их заперли от лисиц.

Она заметила только что снесенное яйцо. Ей пришло в голову, что, возможно, Анна О’Доннелл высасывает яйца ночью и съедает скорлупу, не оставляя следов.

Отступив назад, Либ споткнулась обо что-то белое. Блюдце, край которого высовывался из-под буфета. Какая беспечная прислуга! Либ подняла блюдце, и из него пролилась жидкость, замочив ей манжету. Фыркнув, она отнесла блюдце к столу.

Только теперь до нее дошло. Либ лизнула мокрую руку – безошибочный вкус молока. Стало быть, великая притворщица не выдумывает особых сложностей. Нет нужды доставать яйцо, когда для нее приготовлено блюдце молока, которое она, как собака, вылакает в темноте.

Либ испытывала скорее разочарование, чем триумф. Чтобы обнаружить такое, вряд ли нужна обученная медсестра. Похоже, ее работа окончена и еще до восхода солнца она отправится в повозке на железнодорожную станцию.

Дверь со скрипом открылась, и Либ резко обернулась, словно это ей приходится что-то прятать.

– Миссис О’Доннелл...

Ирландка приняла обвинение за приветствие.

– С добрым утром, миссис Райт. Надеюсь, вы выспались?

За ее спиной стояла Китти, согнувшись под тяжестью двух ведер.

Либ подняла блюдце – как она сейчас заметила, со щербинами в двух местах.

– Кто-то в этом доме прячет молоко под буфетом. – (Розалин О’Доннелл разомкнула обветренные губы, словно собираясь рассмеяться.) – Могу лишь предположить, что ваша дочь украдкой пьет это молоко.

– В таком случае вы предполагаете чересчур много. Нет такого фермерского дома в

наших краях, в котором не оставляли бы на ночь блюдце с молоком.

– Для маленького народца, – словно дивясь невежеству англичанки, с полуулыбкой проговорила Китти. – А иначе они обидятся и станут ругаться.

– Вы полагаете, я поверю, что молоко для фей?

Розалин О’Доннелл сложила на груди костистые руки:

– Верьте, во что вам угодно. Капля молока никому не навредит.

Либ лихорадочно соображала. Обе – хозяйка и прислуга – могут и не сообразить, почему молоко было под буфетом. Хотя это еще не значит, что Анна О’Доннелл четыре месяца кряду не пила по ночам из блюдца для фей.

Наклонившись, Китти открыла низ буфета:

– А ну, кыш отсюда! В траве полно слизней. – И она принялась подолом подгонять куриц к двери.

Открылась дверь спальни, и выглянула монахиня, говоря, как обычно, шепотом:

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – ответила Либ, не желая говорить о своих подозрениях. – Как прошла ночь?

– Спокойно, слава Богу.

То есть сестра Майкл не поймала девочку за едой. Но насколько она старалась, веруя в то, что неисповедимы пути Господни? Либ пока не могла уразуметь, будет толк от монахини или она станет лишь помехой.

Миссис О’Доннелл сняла с огня котелок. Взяв швабру, Китти принялась выметать из буфета к двери зеленоватый куриный помет.

Монахиня вновь исчезла в спальне, оставив дверь приоткрытой.

Либ как раз снимала плащ, когда со двора вошел с охапкой торфа Малахия О’Доннелл.

– Миссис Райт...

– Мистер О’Доннелл...

Он свалил торф у огня, потом повернулся, чтобы уйти.

Либ не забыла спросить его:

– Скажите, есть тут где-нибудь напольные весы, чтобы я взвесила Анну?

– Нет.

– Тогда как же вы взвешиваете скот?

Малаки почесал багровый нос:

– На глазок, думаю.

Из спальни послышался детский голос.

– Она уже проснулась? – с просиявшим лицом спросил отец.

Пройдя мимо него, миссис О’Доннелл вошла к дочери в тот момент, когда оттуда вышла с сумкой сестра Майкл.

Либ двинулась вслед за матерью, однако отец поднял руку:

– Вы хотели спросить... еще о чем-то.

– Разве?

Либ уже следовало находиться рядом с ребенком, чтобы не было промежутка между сменой одной сестры и следующей. Но она не могла взять и уйти во время разговора.

– О стенах. Китти сказала, вы спрашивали про них.

– О стенах, да.

– Туда кладут немного... навоза вперемешку с глиной. А для связывания – вереск и

шерсть, – сказал Малахия О’Доннелл.

– Шерсть – неужели?

Либ скосила глаза в сторону спальни. Может ли этот явно находчивый мужик быть подсадной уткой? Могла ли его жена зачерпнуть немного еды из котелка, прежде чем метнуться в спальню к дочери?

– И кровь, и капля пахты, – добавил он.

Либ уставилась на него. Кровь и пахта – как приношение на некий примитивный алтарь.

Когда Либ наконец попала в спальню, то нашла там Розалин О’Доннелл, сидящую на маленькой кровати, и Анну на коленях подле матери. За это время девочка вполне успела бы проглотить пару лепешек. Либ кляла себя за нелепую вежливость, которая заставила ее болтать с фермером. А также и монахиню за то, что так быстро улизнула. Учítывая, что накануне вечером Либ осталась на чтение молитв, неужели монахиня не могла задержаться утром на минуту? И более того, та должна была дать Либ, как более опытной медсестре, полный отчет о ночной смене.

Анна говорила тихим, но ясным голосом. Непохоже было, что она минуту назад запихивала в себя еду.

– Он пребывает во мне, а я пребываю в Нем.

Эти строчки напоминали стихи, но, зная ребенка, можно было догадаться, что это Священное Писание.

Мать не молилась, а лишь кивала, как обожатель на балконе.

– Миссис О’Доннелл, – обратилась к ней Либ.

Розалин О’Доннелл приложила палец к сухим губам.

– Вы не должны здесь находиться, – сказала Либ.

– Неужели мне нельзя поздороваться с Анной? – Розалин О’Доннелл наклонила голову набок.

Анна с непроницаемым лицом и виду не подавала, что слышит.

– Только не так, – с расстановкой произнесла Либ, – без одной из сестер. Вы не должны врываться в комнату Анны раньше нас или иметь доступ к ее вещам.

Ирландка поднялась с упрямым видом:

– И какая мать не захочет помолиться с собственным дорогим чадом?

– Вы, безусловно, вправе приветствовать ее утром и вечером. Это все для вашего блага, вашего и мистера О’Доннелла, – добавила Либ, чтобы смягчить последующие слова. – Но вы ведь хотите доказать свою непричастность к каким бы то ни было уловкам?

Вместо ответа Розалин О’Доннелл фыркнула. Выходя, она бросила через плечо:

– Завтрак в девять.

Оставалось еще почти четыре часа. Либ очень хотелось есть. Но на фермах свой распорядок дня. Надо было утром попросить хоть что-то у прислуги Райан в пабе – хотя бы корку хлеба.

В школе Либ с сестрой всегда испытывали голод. Это было время, когда они хорошо ладили – общие для двух узниц чувства, как поняла сейчас Либ. Умеренность в еде считалась в особенности благотворной для девочек, потому что нормализует пищеварение и воспитывает характер. Либ полагала, что у нее достаточно самообладания, но чувство голода отвлекало, заставляя думать только о еде. Поэтому во взрослой жизни она старалась никогда не пропускать приема пищи.

Анна перекрестилась и поднялась с колен:

– С добрым утром, миссис Райт.

Либ рассматривала девочку с недовольством, смешанным с уважением:

– С добрым утром, Анна.

Даже если девочка съела или выпила что-то во время дежурства монахини или только что с матерью, этого было не много – самое большое кусок со вчерашнего утра.

– Как прошла ночь?

Либ достала свою записную книжку.

– Ложусь я, сплю и встаю, – снова перекрестившись и сняв ночной колпак, процитировала Анна, – ибо Господь защищает меня.

– Отлично, – произнесла Либ, не зная, что еще сказать.

Она заметила внутри колпака много выпавших волос.

Девочка расстегнула ночную рубашку, приспустила ее и завязала рукава вокруг пояса. Странная диспропорция между худыми плечами и пухлыми запястьями и кистями, между узкой грудью и раздутым животом. Потом она ополоснулась водой из таза.

– Пусть лицо твое засияет... – еле слышно проговорила она, после чего, дрожа, вытерлась.

Либ вытащила из-под кровати пустой ночной горшок:

– Ты пользовалась им, девочка?

Анна кивнула:

– Сестра отдала его Китти, чтобы вылила во дворе.

Что в нем было? Надо было спросить, но Либ не решилась.

Анна вновь натянула на плечи ночную рубашку. Потом смочила небольшую тряпицу и, засунув руку под рубашку, застенчиво протерла каждую ногу, балансируя на другой. Чтобы не упасть, она держалась за комод. Сорочка, панталоны, платье и чулки, которые она надела, были вчерашними.

Обычно Либ настаивала на ежедневной смене белья, но в такой бедной семье не чувствовала себя вправе это сделать. Перед тем как начать осмотр девочки, она развесила простыни и одеяло на спинке кровати для проветривания.

Вторник, 9 августа, 5:23.

Выпила одну чайную ложку воды.

Пульс: 95 ударов в минуту.

Дыхание: 16 вдохов в минуту.

Температура нормальная.

Всегда было сложно оценить температуру. Это зависело от того, теплей или холодней были в тот момент пальцы медсестры, чем подмышка пациента.

– Высунь, пожалуйста, язык.

Либ взяла себе за правило осматривать язык пациента, хотя обычно затруднялась определить, что он говорит о здоровье. Язык Анны был красным, необычно плоским в задней части, в то время как обыкновенно там бывают мелкие бугорки.

Приложив стетоскоп к пупку Анны, Либ услышала слабое бульканье. Правда, это могло быть вызвано смешиванием воздуха и воды и не доказывало присутствия пищи. Она написала:

Звуки в полости живота неопределенного происхождения.

Сегодня надо будет спросить доктора Макбрэрти об этих опухших лодыжках и кистях. Либ считала весьма сомнительным, что любые симптомы, сопровождающие ограничение в

еде, идут на пользу, и рано или поздно они заставят девочку отказаться от этой нелепой затеи. Либ перестелила постель, разгладив простыни.

В этот второй день сиделка и подопечная освоились с новым распорядком. Они читали – Либ заинтересовалась нечестивыми делами мадам Дефарж^[4], описанными в журнале «Круглый год», – и немного поболтали. Девочка на свой возвышенный лад была очаровательна. Либ трудно было свыкнуться с мыслью, что Анна – обманщица, большая лгунья в краю, известном своими лгунами.

По несколько раз в час Анна шептала какие-то слова – как полагала Либ, молитву к Доротее. Помогало ли ей это укреплять решимость всякий раз, как ее желудок сжимался от голода?

Позже Либ вывела Анну на прогулку, но только во двор фермы, потому что по небу ходили тучи. Либ обратила внимание на запинаящуюся походку Анны, но девочка сказала, что она всегда так ходит. Гуляя, она распевала гимны, как бравый солдат.

– Ты любишь загадки? – спросила Либ во время паузы в пении.

– Я никаких не знаю.

– Не может быть! – Либ помнила детские загадки более живо, чем все, что приходилось заучивать в школе. – Вот, послушай: «Нет такого царства на земле, которое я не прошел бы из конца в конец. День ли, ночь ли – меня нет, и меня не видно. Что я такое?»

У Анны был озадаченный вид, и Либ повторила загадку еще раз.

– Меня нет, и меня не видно, – сказала Анна. – Значит ли «меня нет» – я не существую или меня не увидеть?

– Второе, – подсказала Либ.

– Кто-то невидимый, – пробормотала Анна, – странствующий по всей земле...

– Или что-то невидимое, – вставила Либ.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Ирландские пабы часто носили название бакалейно-алкогольной лавки (*англ. Spirit Grocery*), а сам паб как таковой находился в одном здании с продуктовой лавкой, мастерской или каким-либо иным основным делом его хозяина. Нередко владельцами пабов были могильщики, и такая традиция отчасти сохраняется в Ирландии до сих пор. – *Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных.*

Флоренс Найтингейл (1820–1910) (в переводе с английского «соловей») – сестра милосердия и общественная деятельница Великобритании. – *Примеч. перев.*

Евангелие от Луки, 1: 38.

Мадам Дефарж – героиня исторического романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах» о временах Великой французской революции.